

**Царевна-Ягушка
на новый лад**

Габова Ирина

Ирина Ивановна Габова

Царевна-Лягушка на новый лад

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69176551

SelfPub; 2023

Аннотация

Все читали в детстве сказку про Царевну-Лягушку, но читали ее от лица Ивана Царевича. А каково было Василисе? Как она превратилась в лягушку, кем она была до болота? Как справлялась с трудностями? Вот об этом и читайте в сказке для взрослых на новый лад. Приключения, магия, заговоры и конечно любовь.

Ирина Габова

Царевна-Лягушка

на новый лад

Незванный гость

– От этих мужиков одни беды. – Василиса выглянула в окно своего дома и тихо выругалась. – Вот ирод окаянный...

На берегу топкого болота ходил туда-сюда, отбиваясь от комаров веткой березы, молодой парень. Ходил он там уже давно, наверное, около 2х часов.

– Принесла нелёгкая... И стрелу ему вернула, и дорогу из болота показала, и попить вынесла. И не уходит. И даже комары не берут его... – Покачав головой, девушка с головой лягушки вздохнула, отошла от окна. – Ладно, нечего на него смотреть, уйдет, как надоест. Надо воды нагреть, да котел почистить.

Выйдя на задний двор, который и двором-то назвать было нельзя, топь, а не двор, Василиса раздвинула руками ряску и опустила ведро в воду. Набрал одно, зачерпнула второе. Вернулась с ведрами в дом и принялась печь топить.

Минус болота был в том, что с сухими дровами тут вечная проблема, приходилось плавать на лодке за трясину и там собирать хворост, который уже заканчивался. Можно и птиц

попросить, конечно, принести хворост, но они и так для нее многое делают, вести приносят с деревни и дальних краев, комаров ловят у дома. Что их попусту гонять?

– Что ж не везёт-то как? – Девушка снова тяжело вздохнула. – Даже нагреть воды не хватит. – Ещё и под самый вечер. Если бы не это недоразумение на берегу, то давно бы сплавала.

Но делать было нечего. Без тёплой печи, воды и чистого котла, в котором надо готовить еду, никак.

– Ладно, воды нацежу и сплаваю. – Ещё у бабушки Василиса научилась очищать болотную воду от «Гнили всякой», как её бабушка называла.

В воронку положила она кусочек чистой ткани в самый носик, потом положила угля из печи, засыпала песком, прокаленным на огне, положила мелких речных, отмытых камней и снова песок. Над воронкой повесила ведро с маленькой дыркой внизу и налила в него воду. Вода тонкой струйкой полилась в воронку, под которую поставлено было второе чистое ведро.

– Ну, вот, как скоро вернусь, и вода будет чистой. – Девушка-лягушка вытерла руки, подхватила топор, верёвку, взяла с собой светильник и двинулась к лодке на заднем дворе.

Бросив свой небольшой скарб на дно лодки, Василиса взяла весла, спустилась в лодку и вставила просушенные весла в уключины. За 3 года жизни на болоте она научилась со

многим справляться сама, то воду натаскать, то сплавить куда-нибудь, то дров нарубить, печь натопить или рыбу наловить.

Отвязав лодку, девушка плавно вывела ее на нужный курс. Нос лодки рассекал воду, затянутую зелёной ряской. Плавными волнами расходилась вода в сторону под гребки веслами. За болотом куковала кукушка. Вдалеке квакали лягушки, гудели комары.

Василиса любила болото. Не часто, но иногда ее забирала к себе бабушка, которой не стало 3 года назад. Бабушка ее всему учила, словно знала, что Василису ждёт. Рассказывала про то, какие ягоды на болоте собирать можно, какие грибы не ядовитые. Показывала, как силки на птицу поставить, как сеть кинуть, чтобы окуня словить или щуку. Как с лодкой управиться, да привязать, чтобы в непогоду не утянуло ее в болото, как весла сушить.

Если бы не эти знания, как бы она справилась? Часто девушка задавалась этими вопросами, но ведь кто ответит?

Плюх, плюх, плюх... хлопали весла по воде.

– Погодите, очень прошу, пожалуйста, постойте... – Вдоль берега бежал за лодкой непрошенный гость.

– Вот же нелёгкая... и чего ему надобно? – Василиса гребла и делала вид, что не слышит странного парня. – Разбил окно своей стрелой, и теперь душу изымает, ирод. – Ничего, сейчас там топь начнется, и за мной не побежишь. – Девушка улыбнулась своей жутковатой улыбкой.

Странный парень остался позади. Звуки снова стали привычными, гул комаров, кваканье лягушек.

– Хорошо, что у меня бабушкина мазь есть, а то сожрали бы меня пискуны, ни кровинушки не оставили бы. – Лодка причалила к берегу. Василиса ухватилась за вбитый ею в землю клин, намотала на него канат, связала узел и выпрыгнула из лодки топором и веревкой.

– Заодно и силки проверю. – Девушка двинулась к ловушке и обнаружила в ней зайца. Жалко его, но есть то надо, на одних грибах и ягодах на болоте долго не протянешь. Да, рыба дело хорошее, но скоро она сама как рыба пахнуть начнёт. Заяц был мертвым, но ещё теплым. Недавно попался. Девушка отнесла его в лодку и стала собирать хворост и валежник.

Куча набралась большая. Тащить пришлось долго. Начало темнеть. Закинув дрова в лодку, девушка взяла в руки светильник. Слегка потрянув стеклянным сосудом, она насыпала в банку пахучей травы. Потихоньку в банке начали вспыхивать один огонек за другим.

– Опять надобно светлячков менять, бедняги мои. Тяжело вам со мной, да? – Девушка прошептала жучкам. – Ну, ничего, сейчас вернусь и выпущу вас. Вы уж потерпите. – Она повесила светильник на корму лодки, и поплыла к дому.

Снова всплески воды под веслами, лягушки уже не квакали, а пели свои серенады. Заухала выпь. Запели соловьи. По берегам засветились светлячки. На небе начали появляться

звёзды. От воды начал подниматься туман. Болото жило своей жизнью. Именно вечером топь больше всего и любила Василиса. Одиночество ее не пугало, наоборот успокаивало.

– Очень вас прошу, пожалуйста... – Послышались вопли с берега.

– Ещё не ушел? – Василиса скрипнула зубами. – Ну, за что ты мне достался сегодня?

И снова девушка сделала вид, что не видит и не слышит парня. Лодка обогнула дом и скрылась на заднем дворе.

– Хорошо, что к дому только вплавь можно. И пиявки любого отваживают. – Девушка привязала лодку, выложила хворост и тушку зайца, и занялась веслами. Вытащила их из уключин и повесила на стену за крючки.

Туман начал затягивать болото белой пеленой, сквозь которую сияли огоньки светлячков. Девушка постояла минуту, любуясь пейзажем, и направилась в дом со связкой хвороста.

Снова разожгла в печи огонь. Вода процедилась и в ней осел осадок. Василиса вылила немного воды в котелок, взяла щетку с песком и стала начищать стенки от копоти и жира. Монотонная работа успокаивала. Вылив воду в болото, девушка сполоснула котелок чистой водой и наполнила для того чтобы вскипятить воду.

Вечер прошел в рутинных делах. Василиса освежевала зайца, вымылась, сварила мясо, помыла посуду. Выпустила из банки старых светлячков, собрала новых, которые прилетели к ее дому. Остатки еды девушка сложила в импровизи-

рованный холодильник: в ведро было уложено несколько тяжелых камней, но таких, которые не топили бы его совсем в болоте, а держали его слегка погруженным в воду. Мясо уложила прямо на камни, накрыла ведро крышкой и опустила в болото. Холодная вода не давала нагреть воздух внутри ведра, и продукты хранились в нем долго.

Девушка-лягушка расчесала волосы цвета золотой меди, заплела их в косу и легла спать.

Утро четверга выдалось холодным, на болоте по утрам всегда прохладно. Девушка встала, растопила печь. Умылась. Позавтракала ягодами и творогом. Переделалась и отправилась к лодке.

Каждый четверг жители соседней деревни приносили в дупло старого дерева прошения. Девушка выполняла их за оплату в виде продуктов – хлеб, масло, мука, молоко, яйца и овощи. 3 года назад, после смерти бабушки, Василиса распустила слух по деревне, что баба Ягиня занемогла, и ходить не может. Что взяла она себе в помощницы безобразную девушку, которая боится ходить в деревню из-за своей внешности. Что готова бабушка и дальше помогать жителям с лекарствами и лекарством, но теперь к каждому четвергу нужно приносить в дупло записки, с перечнем хвори. Вот и таскают местные жители всю неделю в дупло прошения, у кого чего болит. А к пятнице вечера девушка собирает и готовит снадобья, пишет рекомендации для больных. В пятницу у старого дупла подвязывает на веревку котомку с настойка-

ми, травками и письмами. Забирает продукты.

На случай срочных проблем, например у кого ребенок сляжет или родить, кто соберется, в лесу, через болото протянута веревка с колокольчиком в дом. Прибегали мальчишки, звонили. И Василиса ходила в деревню. Надевала на себя длинный плащ с капюшоном и помогала местным. В обиду ее не давали, никто не грубил, но шарахались, как от чумы, когда видели в темноте капюшона желтые глаза. Так она и жила в тишине, на своем болоте в уютном доме на островке среди воды.

Размеренный плеск воды под веслами, нарушал мертвую тишину болота. Это пугало, никогда такой тишины она не слышала в топи. Пахло костром и мясом на огне.

– Не уж не ушел еще, ирод проклятый? – Ругнулась девушка.

Сквозь туман пробивался огонь от костра. И Девушка увидела мутный мужской силуэт, который стоял у воды.

– Ну, чего тебе надобно от меня? – Василиса привязала к причалу лодку. И встала напротив парня.

Высокий, статный, широкие плечи, мускулистый. Глаза, как небо голубые. Волосы темные русые. Красивый – отметила про себя девушка, сняв капюшон.

Парень смотрел на нее, как на чудо-дивное. А Василиса именно этого и добивалась. Именно внешность была ее залогом спокойствия.

Мальчишки, первое время, прибегали из деревни и сиде-

ли у причала в ожидании увидеть диковинную помощницу бабки Ягини. Но и они потом потеряли интерес и гостей не стало.

А тут это недоразумение со своей волшебной стрелой. Приехал на коне и стал околачиваться на ее болоте.

– Я это, жениться хочу. – Заикаясь, сказал пареньь.

– Что? – Василиса стояла ошеломленная. – А я тут причем? Я не сваха, не гадалка, судьбы предсказывать не умею.

– На тебе жениться хочу. Стрела в твой дом попала, судьба такая.

– Какая судьба, ты дурак или с рассудком не все в порядке? – Девушка начинала терять терпение. – Или слепой? Я ж юродивая!

– Наказ у меня от батюшки такой, куда стрела волшебная упадет, там и искать суженую свою, к тебе в дом она попала. Значит, тебе и быть моею женою.

Василиса издала булькающий звук и захихикала. Дикость какая!

– Так ты запусти стрелу снова и ищи там, где девушки живут красивые, умные, согласные стать суженой твоей. Я то, против, и меня на такое не готовили.

Девушка двинулась к дуплу большого дерева. Говорить с человеком, у которого не все в порядке с головою, не хотелось.

– Я пробовал, стрелял и на север, на юг, на запад, а она все равно в твой дом летит. Пробовал просто уехать, но стрела

то волшебная, меня сюда как привязанного тянет. Я уходил несколько раз, а ноги назад ведут, сюда. Что делать сам не знаю. – Видно было, что парень сам не рад.

– Эх, что с тобой делать? Ладно, пошли, с письмами поможешь, да и еду притащишь, а там посмотрим, что с этим делать.

Девушка шла по тропке, парень шел следом за ней.

– Коня отвяжи, комары съедят его в этой топи заживо, жалко скотинушку. Далеко не уйдет, а если ученый он у тебя, вернется сам, когда надобно.

Пока парень отвязал коня. Девушка выгребла берестяные письма из дупла, отвязала от дерева котомку с едой и сложила все в один мешок. Вручила непрошеному гостю в руки ношу, и они направились к лодке.

Рассказ царевича

Лодка причалила к заднему двору. После нехитрых действий оба спрыгнули на помост и вошли в дом.

– Тебя звать то хоть как? – Спросила Василиса молодого человека.

– Иваном кличут, Иваном Васильевичем.

– Ты из простых будешь или роду боярского?

– Я царских кровей. Царь Василий – батюшка мой, на севере управляет государством небольшим.

– Не хорошо это. Знатные люди в моем доме не к добру.

Как тебя освободить, ума не приложу. Меня Василисой зови.

– А ты тут одна на болоте живешь? – Спросил Иван, помогая девушке разобрать мешок.

– Да, бабка моя, Ягиня умерла 3 года назад, и родных боле нет никого у меня.

– И не страшно одной в болоте жить?

– А кого тут бояться? – Девушка усмехнулась. – В топь не суется никто, нечего тут делать людям. На другом конце болота живет дед Водяной с дочками, редко мы видимся, навещаю в гости к ним иногда. Тихо тут. Ты чай голодный? На болоте с едой туго.

Парень кивнул. Девушка сходила на задний двор, принесла мясо, бульон. Нарезала овощей, налила кринку молока. Поставила перед гостем.

– Извини, холодное все, греть в печи долго, а у меня дел полно. Деревенским помочь, сети с рыбой проверить надо, да пару досок на заднем дворе сменить надобно, прогнило все. Да и ты еще со своей стрелой волшебной.

Иван просто кивнул и с жадностью набросился на еду.

Девушка стала его рассматривать. Одежда на нем хоть и походная, но богатая, кафтан расшит золотом, дорогие красные сапоги, на руках перстни дорогие. Как его по дороге разбойники не ограбили? Чудеса.

Лицо все покусанное комарами, руки тоже. Жалко стало Василисе Царевича. Взяла она алоэ, выдавила сок, смешала с ложкой меда и протянула Ивану.

– Поешь, намажь, от чеса поможет. Комары тут голодные, с любого живого существа кровинушку быстро высасывают.

– Спасибо большое. – Царевич благодарно посмотрел на девушку.

Она оставила парня и отправилась проверять сети. Рыбы было немного, но попалась щука и пара больших карпов. А значит, завтра будет уха и печеная рыбка в тесте. Василиса довольно улыбнулась. Вытащила рыбу из сетей, отправила ее в ведро с водой. Потом сходила в сарайку и притащила 2 доски, которые выпросила в деревне у дяди Федора плотника. И стала топором вырубать сгнившие доски в причале. Тут к ней на подмогу подоспел Иван. Отправил домой, сказал, что сам ей все справит.

– Хоть какой-то прок от незванного гостя в этом доме. – Подумала девушка, открывая бабушкину книгу с заклинаниями. Надо помогать Царевичу, а то покоя на болоте не жди.

Василиса перелистывала заговоры и заклинания. Ничего похожего на глаза не попадалось. Наговор на боль в зубе, наговор на старые колени, отпущение головной боли, любовный приворот. На глаза упал заговор и обряд на смену личности, которым она 3 года назад изменила она себе внешность. Девушка грустно улыбнулась и продолжила поиск.

– Вот, похоже, то что нужно. Наговор на поиск судьбы на предмет. – Тут приводились примеры, как заговорить клубок, лошадь, стрелу и даже тропинку. – Ну и славно. – Выдохнула девушка.

Но чем дольше читала она наговор, тем сильнее мрачнела. В наговоре говорилось о том, что связывал этот обряд с предметом или существом не одного человека, а сразу двоих. Что вел наговор одного к другому и накрепко связывал обоих линей жизни. И не просто связывал. В случае если один воспротивится судьбе, обоим не жить, зачахнут оба от хвори страшной. Василиса застонала.

– Ну, почему я? Почему стрела не упала в деревню? И снять заклинание невозможно. Только связав себя и суженного узами брака, можно разбить заклинание.

И так тошно стало девушке-лягушке, что плакать захотелось. Вышла она на улицу, села, на свою любимую болотную кочку, и с тоской обвела болото глазами. Как ей тут нравилось жить. Тихо, никакой толпы, живешь – сама себе указ. Обхватила она себя руками, печаль накрыла волной и девушка разрыдалась.

– Ты чего тут плачешь? Чего закручинилась? – Ее печаль нарушил голос царевича.

– А по что мне не плакать? Жила я в своем болоте, и тут ты со своей стрелой. Нельзя наговор снять, никак. Только свадьбой снимается заклинание. А замуж я не хочу, из своего болота не хочу уходить.

– А что я тебе не люб? Или душа ко мне не лежит? – Спросил парень.

– А я тебе любя? Ты на меня глянь, я ж лягушка зеленая! А ты... Вижу я тебя впервые. Знать не знаю. И замуж за тебя

идти? А если ты ирод, животину мучаешь, али детей бьешь, и меня бить будешь? – Говорила Василиса, рыдая.

– Что ж ты из меня зверя делаешь? Детей я люблю, с животными в ладу, а руку на женщину поднимать меня с детства не учили. А узнать друг друга, завсегда время есть, я не тороплю. Посмотришь на меня, поговорим с тобой. Время тебе дам. Я, конечно, сам не рад, но коли судьба, так чего ее гневить?

– Как просто у тебя все? Узнать... Жениться... – Василиса встала, отряхнула платье от речного ила и отправилась в дом. Поставила в печь чайник. И стала готовить вкусный отвар: речная мята, сушеные ягоды, чабрец, иван-чай. Растерла и кинула в заварошную.

Парень топтался на кухне, не зная, куда себя пристроить.

– Да сядь ты уже. Только на душу давишь. И расскажи, как получилось у тебя эту стрелу вообще запустить. – Девушка указала Ивану на табурет у стола. И принялась мыть посуду после гостя.

– Отец наказал. Наследники ему нужны, приемники. Нас у него трое царевичей. Старший Василий, Средний Ярослав и я, младший, Иван. Жили мы, не тужили, закончили обучение все в разное время, только женитьбой никто и помышлять не думал. Охотились, врагов били, отцу по делам важным помогали, а он заладил, внуков хочу, чтобы мы пристроены были. Сказал, что тому, кто не приведет до конца лета жену, откажет в заботе и достатке. Отправит на вольные

хлеба счастья искать. Я было, так и хотел, все равно по первенству все старшему отойдет. Но отец и это предусмотрел. Привел ведунью, которая наговорила на стрелы. Сказал, запустить их и искать судьбу свою. А коли не найдем, домой не показываться. Ну, мы и встали на горе, запустил каждый в разные стороны свою стрелу. Старший на север, Средний на восток, а я на юг. А потом ноги и коня само понесло, вот я тут и оказался. Твое, стало быть, окно и пробила стрела.

– Да, испугал ты меня сильно, уж думала охотники, али разбойники бесчинствуют.

– Не хотел я, не нарочно это вышло. – Царевич виновато опустил голову.

– Да ладно, чего уж там. Давай чай пить. – Василиса достала чайник из печи, завалила отвар, достала чашки и разлила каждому вкусный чай.

Достала из кладовой земляничное варенье, сушеную малину и сахарные пряники. Они в полном молчании пили чай. Неловкость витала в воздухе. А о чем говорить двум незнакомцам?

– А ты? Это... Колдовство на тебе, проклятие, али родилась такой?

– Колдовство. Но говорить об этом не хочу, не твоя это ноша, да и доверить тебе тайну не хочу, пока не узнаю тебя как следует. – Девушка встала, сполоснула кружку и вышла на задний двор. Новые доски на причале царевич приладил хорошо. Только что теперь проку от них, все равно уехать

придется. Какой разумный человек останется жить на болоте с лягушкой?

День выдался нынче серым, туманным и хмурым. Даже лягушки притихли. То тут, то там плескалась рыба. Девушка взяла из короба не стене корки сухого хлеба, разбила их обухом топора на крошки и начала кормить рыбу. Карпы, окуни приплыли со всего болота. Вода под досками бурлила, от рыбьих спин. Как оставить дом? На кого? Кто будет жителям помогать? Что ждет ее там впереди? Столько вопросов роилось в голове у Василисы и с каждым становилось все тяжелее на душе. Девушка смотрела, как едят хлеб рыбы и не могла найти покоя. За спиной скрипнула дверь.

Царевич встал за ее спиной и долго молчал. Девушке было неудобно. Вот так пришел человек и перевернул всю ее жизнь своим приходим, и не просто перевернул, а подверг ее сильной опасности. Если бы он пришел лет через 5, когда выйдет срок давности наложенного наговора, когда тот, кто ее ищет, перестанет искать, когда желания того человека или нелюдя свернут с тропы ее судьбы, тогда она бы с радостью встретила юношу. Но сейчас совсем не то время. Еще сильно заклятие поиска, еще сильна связь с тем, кто уничтожил всю ее семью, всю прошлую жизнь. Все это пугало до ужаса, грозило разрушить и без того покосившиеся развалины ее существования.

Так было страшно, что в пору утопиться в этом болоте и навсегда обрести покой.

– Я буду хорошим мужем, буду защищать тебя от всех бед и напастей. – Тихо произнес Иван.

– Ты себя-то убережешь не можешь, смотри, куда тебя занесло. – Василиса повернула к нему свое зеленое лягушачье лицо. В глазах плескались слезы и страх.

Она молча повернулась и скрылась в доме. Нужно было приводить в порядок дела, чтобы уехать с болота со спокойной душой.

Сборы и дорога долгая

Девушка весь вечер читала просьбы жителей деревни. Готовила снадобья, варила настои. Собирала порошки, писала письма. Складывала все нужные вещи жителям деревни в большой короб. Шептала наговоры на обереги.

– Веточка-прутик осиноый, убереги стада от волков грозных, отведи от лесов темных и блуда пропащего, спаси ягнят молодых от топи глубокой. – Девушка окунала осиноый прутик в пахнущую полынью воду, стряхивала и снова окунала. – Кукла-берегиня, упаси Машеньку от хвори-болезни тяжелой, подари девочке сон крепкий. – Василиса связывала куколку из сушеной травы и разноцветных лент. – Кость-охранушка, убереги двор от пакости нечистой, отведи от дома беду нечаянную. – Старую лошадиную кость обмазывала она горькой настойкой полыни и черемухи. – Колокольчик звонкий, отгони от деревни злые ветра, да врагов одолелых, оповести в трудную минуту живых. – Шептала она, подвязы-

вая к колокольчику красную нить.

Не один час прошел, пока девушка собрала большой короб. Не один час прошел, пока написала она письма и наказы жителям деревни. Собрала и туесок дяде Водяному и его дочкам. Соседями они были тихими и добрыми, помогали друг другу в трудностях. Сложила им варенье, сушености, запасы, оставшиеся с зимы. Пропадут, жалко. А тут добрым людям в нужное дело пойдут. Собирала в мешочки травы, подписывала каждый. Затопила баню, попросила Ивана на-таскать воды. Так вечер и прошел.

К ночи девушка отправила гостя мыться, а сама в это время устелила ему на сон в передней. Себе устелила на печи. Сварила пару яиц, намешала творогу со сметаной, заварила чай.

Иван поел и улегся спать.

А девушка отправилась к лодке. И поплыла в центр болота. Как теперь хранить наговор, когда болотная вода так далеко будет. Как сохранить личину, наложенную на себя?

Встала девушка в полный рост в лодке. Распустила волосы. Сняла одежду, прошептала наговор. С головы девушки прыгнула большая лягушка, которая уселась на нос лодки, посмотрела на нее умными большими глазами. Василиса погладила зеленую кожу существа, тепло улыбаясь своей спутнице, и спустилась в воду. Нырнула так глубоко, как смогла.

Тишина и вода обволакивали и успокаивали. Мимо проплывали рыбы, водоросли щекотали ноги. Воздух в легких

кончился, и он выплыла на поверхность.

Она ныряла и ныряла, пока усталость не заставила ее забраться в лодку. Стоя в лодке, Василиса запела песню.

Ой, ты матушка вода,
Отпусти меня в далекие, чужие города.
Опусти, да будь со мной,
Дождиком, глотком студеным, речкою живой.

Не покинь в мой час тяжелый,
Дай мне сил большую меру,
Помоги здоровой быть, веселой,
Сохранить живую веру.

Отведи врага от дома,
Коль им я еще искома.
Укажи Кощею ложный путь,
Заплутает он, и сгинет пусть.

Ой ты матушка вода,
Да крутые берега...

Долго пела Василиса свою песню, в волос стекали струи воды. Туман окружил лодку. Вокруг вились светлячки, вспыхивая то тут, то там. Над головой сияла россыпь звезд, из-за леса вышла луна, нарисовав на болоте сияющую полоску.

Наконец девушка надела платье, взяла на руки лягушку,

погладила, поцеловала.

– Ты моя сестрица, спасение мое. Прошу тебя еще помочь мне в моем пути. – Посадила она лягушку себе на волосы и зашептала. – Мать вода, Мать земля, Силы сильные, да Светоч яркий, помогите, охраните, укройте, спрячьте меня и сестрицу свяжите. Врага запутайте, по следу плуталому пустите. Личина не моя, скрой упрячь, отведи дорогу злую от меня, дома моего. Шепчу, да прошу, молю, заклинаю, силу свою отдаю и облик меняю.

Вспыхнул свет, заискрилась вокруг лодки вода, и лицо девушки снова стало не своим прекрасным, с полными губами да синими глазами, а зеленое лягушачье. Заплакала Василиса горько да печально. Долго качала ее лодка на болотной воде. Только спать было пора. Нужно назавтра многое успеть сделать. Повернула девушка свое суденышко к дому и тихо поплыла к причалу. Тихо вошла она в дом, залезла на печь и уснула крепким сном.

Но не знала она, что видел это все Иван, видел ее нагую в лодке, слышал ее песню. И не спалось ему в ту ночь. Что за тайну хранила эта тихая девушка?

Наступило утро. Василиса встала, затопила печь, закинула в котелок щуку на уху. Замесила тесто, завернула в него карпов. Нагрела воды. Разбудила Ивана. Наказала дома сидеть, а сама отправилась к Водяному.

Болото жило своей жизнью, серые утки крякали в камы-

шах, плескалась в воде рыба, куковала в ветвях кукушка, гудел комариный рой. Туман, согретый солнцем, наконец, уполз в траву, да там и растаял. Пристала лодка к топкому берегу, привязала ее Василиса и отправилась в гости к соседу.

На берегу игрались дочки дяди Водяного, Листвина, Золотоуста, Мирослава. До того хороши девушки, светлые волосы отливали зеленой листвой, стройные, босоногие, в длинных белых платьях танцевали они под лучами рассветного солнца. Зеленые очи сверкали весельем и радостью.

– Василисушка, ты в гости к нам пожаловала, так с утра ранехонько! Да как рады мы тебе. – Щебетали русалки. – Сейчас батюшку позовем.

Все трое побежали к заросшему мхом зеленому дому. Немного времени прошло, и вышел из дверей дед, грузный, с длинной зеленоватой бородой, доброй улыбкой, зелеными глазами. Радушно распахнул он объятия девушке навстречу.

– Ты к нам по каким таким делам приплыла в такую рань? – Девушка обняла деда, чувствуя в его объятиях себя совсем маленькой.

– Дед Водяной, проститься я пришла к тебе. Уезжаю я давеча. Ухожу с болот. Вот и пришла показаться, да добром на добро ответить.

– Как так, душа моя, случилось ли что? Куда уходишь, надолго ли? – Дед разомкнул объятия и печально посмотрел на Василису.

Девушка не стала юлить, и рассказала ему, как все было.

– Да сильный наговор наложен, не разомкнуть его. Как помочь тебе, не знаю. – Водяной покачал головой. – Судьба – ноша тяжелая, на чужие плечи не переложишь. – Пойдем чаем тебя напою, да поговорим по душам, может совет какой дам.

Долго они сидели в светлице у старика, дочки хлопотали, разбирая подарки от Василисы. Говорили обо всем, о болоте, о утках, рыбе, комарах, туманах над рекой. Дед сказал, что за домом присмотрит и чужих отведит. Будет печь топить, чтобы тепло сохранить в доме. Потом прощались долго, девочки плакали, дед обнимал, жалел ее как внучку. На том и простились. Девочки и дед еще долго махали вслед уплывающей Василисе, желая ей добра и светлого пути.

Вернулась Василиса в дом. И попросила Ивана помочь перевести на берег собранные наговоры, травы. Набралось много вещей. Короба, мешки, связки большой кучей лежали на берегу.

– Ты вернись в дом, не надобно, чтобы тебя деревенские заприметили, а то потом к дому люд ходить начнет. Ни к чему это, хочу тихо уйти и болото в тишине оставить. И сиди, да не высовывайся, сюда сейчас приедут мужики с телегами, будут увозить все. А я потом тебе в колокольчик позвоню, с лодкой вернешься и заберешь меня.

Иван кивнул, сел в лодку и уплыл к дому. Как только его не стало видно, девушка пустилась в путь. Тропка была вы-

топанной и знакомой. Сколько раз она ходила в деревню? Она и не помнит. Но помнит каждое дерево, каждый куст. Тяжело было осознавать, что это в последний раз.

Деревня была небольшой, всего домов пятьдесят. Жили тут люди небогато, но друг другу помогали. Поля сеяли, скотину держали. Деток было много. Девушка, хоть и сторонилась людей, но старалась всегда быть полезной.

Навстречу девушке выбежал мальчик с волосами цвета пшеницы.

– Тетя помощница бабки Ягини идет! – закричал он куда-то в огород. – Деда Степана позвать? – Девушку он боялся, но старшие говорили, что она добро деревне приносит, поэтому старался держаться с ней вежливо.

Василиса кивнула, и он побежал в одну из изб. Чуть погодя к ней вышел старец с белой длинной бородой и посохом, прихрамывая, он направился к девушке.

– Василисушка, случилось ли что?

– Да, деда Степан. Вести у меня плохие, бабушка вчера у меня умерла. – Василиса вчера придумала эту легенду для местных, чтобы они перестали носить прошения ведунье в лес. Тяжело было такое говорить, но это было единственным выходом.

– Как так-то? Как же мы теперь без Ягини-то?

– Мне тоже тяжело. Сегодня утром схоронила ее. Все утро проплакала. Вот и решила вам сказаться.

Дед качал головой, видно было, что новость его ошараши-

ла и напугала.

– Как же ты теперь одна в доме на болоте будешь. Может к нам в деревню? Мы тебе дом построим, ты нам вон как подсобляла, да и знаешь уже, поди, не меньше бабки своей. – Дед Степан пытался найти выход из ситуации.

– Не могу я в деревне, дети меня боятся, да и остальные шарахаются, как от проказы. Вы уж простите, но я уйду. Тяжко в доме одной там жить. Собрала вот вам все нужное, заготовила все, что бабка наказала. Написала, как быть на все случаи жизни. Только мне одной это все не унести, можете?

Дед охая, кивал, сильнее расстраивался. Позвал мальчишку и отправил собратъ мужиков.

– Василис, ну не горячись, поговорю с местными. Может, кто с тобой жить захочет? – Не унимался старик.

– Нет, дядя Степан. Не думаю, что кто захочет помогать юродивой, да и сами знаете, как тяжело на болотах зимой. А я одна там не смогу. – Девушка печально покачала головой.

Дед сокрушенно кивнул головой, а тут и мужики подошли. Из домов выходили люди и шли к девушке. Новость разлетелась по деревне быстро.

Те, кто посмелее подходили и соболезнавали. Женщины причитали. Мужики стояли, опустив головы. Для всей деревни потеря ведуньи-лекарки стала ударом. Снарядили лошадь и телегу и двинулись в лес к болоту. А девушка осталась в деревне, обошла каждый дом и двор, шептала наговоры, про-

веряла захворавшую скотину, подходила к больным деткам. Объясняла, как быть в засуху, как чистить воду от «гнили», как снимать жар с младенцев, как лечить больных овец и коров. Каждый благодарил Василису и не пугала их теперь ее внешность. Каждый упрасивал остаться, и все тяжелее на душе было девушке, как их оставить? Позже, приехала телега, и Василиса раздала каждой семье нужные обереги, объясняла, как с ними быть, раздавала травы, рассказывала, как самим их собирать, сушить, настаивать. Мужикам раздавала сети и силки заговоренные. Деткам куколок, деревянные игрушки, выточенные долгой зимой. Ни один житель не был обделен. А уходя, повесила на ворота волшебный колокольчик, который спасал бы деревню от зла. Провожать ее вышли все. Усадили ее в телегу, и дядя Федор повез ее на болото. Долго махали ей в след дети, старики, мужики и женщины. И такая тоска на нее нахлынула, что хоть вой.

На болоте дядя Федор поблагодарил девушку и обещал приглянуть за домом со стороны деревни, чтобы не ходили сюда охотники за добром. Пожелал девушке доброго пути и уехал.

Болото пело. Птицами, лягушками, всплесками воды. Ветер шумел в камышах, наступал вечер. Солнце клонилось к закату, окрашивая болото в золотые цвета. Так было тут уютно, как уехать из этого места, которое стало ей домом? Дом, стоявший на сваях в болоте, выглядел как изба на курьих ногах. Отсюда в деревне и называли дом «Избушка на курьих

ножках», а бабуку Ягиню, за отшельничество «бабой Ягой». С тоской девушка дернула веревку. Из дома вышел Иван, помахал рукой и пошел на задний двор. По воде заскользили круги, показалась лодка. Тихие всплески воды.

Уже поздно вечером, Василиса обошла дом, проверила ставни на окнах на прочность, убрала все вещи с улицы в сарайку. Вымыла баню, почистила печь, вытряхнула одеяла, выбила подушки.

Иван, молодец, натопил печь, погрел еду. Надо отдать должное Царевичу, работы он не чурался. И помогал, как мог, таскал вещи, выгреб из печи золу, высыпал в короб. Натаскал воды. И молчал, не говорил ни слова, понимал, что девушке тяжело.

Уже поздней ночью они улеглись спать. Василиса на печи, Иван в передней. Не спалось обоим.

– Я обещаю, что буду опорой. Знаю, что тебе тяжело.

– Спасибо. – Только это смогла сказать девушка. Она отвернулась к стене и тихо плакала.

Три года прошли как один, и менять свой уклад жизни из-за незнакомого человека было тяжело. Наконец ее сморил сон, и она уснула глубоким сном.

Проснулась она, когда солнце было уже высоко. Иван хлопотал по дому. Натопил печь, воды нацедил, еды погрел и на стол накрыл. Девушка встала с тяжелой головой. Умылась, поела и стала собираться в дорогу. Чего тянуть? Ехать все

равно придется.

Начала Василиса собирать свои вещи, сложила в дорожный короб свои платья, обувь, бабушкину книгу, травы нужные, гребешки для волос, вот и все нехитрые пожитки. Уложили еду, воду. Иван начал все таскать в лодку. А Девушка обходила дом, проверяя, все ли убрано, ничего не забыто. И снова тоска в ее сердце поселилась. Так не хотелось уезжать из этого дома. Девушка срезала колокольчик, в который звонили деревенские, что попусту трезвонить, когда дом пустой?

Лодка отчалила от избы, на которую с болью и тоской смотрела Василиса. Причалили к берегу. Девушка-лягушка затянула песню на лягушачьем, ее подхватили лягушки и трель разнеслась по болоту. Это был знак дяде Водяному, чтобы он утащил лодку назад, чтобы не сгнула она тут и не дай чего, на ней кто к дому не пробрался. Иван свистнул, и спустя несколько минут прискакал вороной конь. Надел сбрую на коня царевич, подвязал к бочинам короба, вскочил в стремя, подхватил Василису.

– В добрый путь. – Сказал громко Иван, и они поскакали на север.

Долго ли коротко, скакали они по лугам, полям, лесам. Быстро сказка сказывается, да не быстро дело делается. Дни в пути пролетали как птицы. В дороге девушка узнавала своего будущего мужа лучше и лучше.

Человеком он оказался неплохим, добрый, веселый, за-

ботливый. Знал когда слово сказать, знал, когда промолчать надо, словно знала она его всю жизнь. Постепенно душа девушки открывалась парню. А он не видел уже в ней лягушку, которая напугала его на болоте в первый раз. Знал он и тайну ее, что за личиной прячется чистая душа и светлый человек. Видел он в тот вечер, как красива его будущая жена. И думал, что вместе снимут с нее заклятье и будут жить вместе, да добра наживать.

Рассказ Василисы

Личина накладывала на жизнь сильный отпечаток. Кожа лягушки подсыхала на ветру, и Василисе приходилось часто смачивать лицо водой, а когда становилось совсем не в моготу, они с Иваном искали речку, озеро, болото или даже лужу. Чтобы девушка могла искупаться и прийти в себя. Иван, не роптал, понимая, что ей тяжело и всячески пытался помочь.

На сыром болоте, в ее доме дышалось свободно. И Василиса никогда не задумывалась, насколько ей нужна вода. И тут она не на шутку испугалась, а если там нет водоема, что с ней станет.

– Успокойся, у моего терема есть большое чистое озеро. – Иван успокаивал девушку.

А потом пришла жара. Лето цвело во всю. Солнце палило нещадно. О каком озере говорить, даже лужи не встречались. Василисе стало совсем плохо. Кожа на лице начала трескаться, появилась сукровица. Она держалась на коне из последних сил. Царевич гнал лошадей во весь опор, а поле все

не кончалось.

Вдруг девушка совсем обмякла и стала заваливаться набок. С трудом Иван остановил вороного, едва успев подхватить ослабевшее тело. Василиса была без сознания. Он звал, но в ответ лишь тишина. Паника накрыла с головой.

– Что делать? Что делать? – он прижал к себе безвольную девушку и стал целовать в зелёные щеки. За эти две недели лягушка стала ему самым близким существом. И делом и словом помогала, заботилась о нем. Как ее потерять теперь?

Наконец он встал, накрыл ее своим кафтаном. И начал разбирать запасы. И так обрадовался целому бурдюку воды, словно золото это было. Бросился он к Василисе, стал обливать ее, смочил ткань, приложил ко лбу. Напоил. Но девушка не приходила в себя.

– Надо уходить с солнца и искать тень. – С трудом он вскочил в седло с девушкой на руках, подвязал ее к себе и двинулся вперед. Проходили минуты, часы, а поле все не кончалось. Девушка по-прежнему не приходила в себя. И вот, наконец, впереди лес.

Иван пришпорил коня и гнал во весь опор. Спасительная тень накрыла их прохладой. Тропка плутала и вывела двоих измученных людей к небольшому озерцу. Вот оно спасение!

Парень спрыгнул с коня и понес девушку в воду. Как только она оказалась в прохладной воде, из ее уст раздался стон.

И тут начали происходить чудеса. Он видел это и на болоте, когда Василиса пела, но там туман многое скрыл, да и

далеко было... словно из волос, выросла лягушка и прыгнула в воду. Показалось жёлтое брюхо. Зеленая долго не двигалась. Видимо ей было очень тяжело. И вдруг животное повернулось, плеснуло водой и уплыло на самое дно пруда.

Девушка словно светилась изнутри, затем вздрогнула и открыла глаза.

Иван обомлел. Никогда он не видел такой красоты. Синие, как океан глаза, пухлые губы, аккуратный нос, высокий лоб. И даже бледность от обезвоживания не смогла скрыть того, насколько была прекрасна Василиса.

Он смотрел на нее и не мог выговорить ни слова. Волосы в воде расплелись и расплывались, словно медное золото. Василиса была похожа на фею из сказки, на русалку, о которых говорили мужики.

Долго он держал ее на руках, любясь красотой Василисы. Пока она не набралась сил.

– Пить, очень хочется пить. – Прошептала девушка.

И, услышав голос, крепко обнял невесту и зашептал. – Слава Свету, Слава Воде. Ты живая.

Вынеся девушку из воды, царевич усадил ее на траву и стал искать питьевую воду.

– Где мы? – спросила Василиса, оглядываясь.

– Не знаю, я мчал по весь опор, хотел с солнца уйти. Ты совсем ослабла, я испугался. Так страшно было, что думал, с ума сойду. Ты как? – В глазах парня сквозило беспокойство.

Василиса просто кивнула, показывая, что все уже хорошо.

Взяла из рук жениха бурдюк с водой и жадно пила воду. Вдоволь насытившись, она провела руками по лицу и испуганно закричала.

– Как? Где лягушка? Как же так получилось? – В панике она вскочила и начала искать зелёную подругу.

Иван рассказал, как окунул ее в воду, как лягушка нырнула на дно. Девушка бросилась в пруд, стала звать лягушку, но та не выплывала. Василиса ныряла и ныряла. Иван бросился за ней, с трудом он вытащил невесту на берег. Она начала рыдать.

– Нельзя мне так... Надо вернуть... Он найдет... Он заберёт и тогда все напрасно... Напрасно они все погибли... – Рыдания сотрясали девушку.

– Да кто найдет? Кого найдет? Куда заберёт? Кто погиб? – Парень не понимал, что происходит. Он крепко сжал в объятиях суженную и начал шептать успокаивающие слова и какую-то ерунду на ухо.

Прошло время, девушка успокоилась. Притихла, потом встала и медленно зашла в воду. Замерла и прислушалась. Вода под ногами засветилась. Василиса выдохнула и успокоенная вернулась на берег.

– На дне она. Тяжело ей родной пришлось, весь удар она на себя за меня взяла. Время нужно ей, чтобы силушку восстановить. А без нее в путь нельзя. Быть беде тогда. – Василиса села рядом с Иваном, и глядя на тихую гладь озера начала свой рассказ.

– Мой батюшка был Князем южных земель. Первая его жена Евстигнея, умерла при родах. В тот день родилась Марья, моя сводная вторая сестра. От того брака было трое детей. Елисей старший сын, Елена средняя сестра и Марья. Детям нужна была мать. Шли годы и батюшка начал искать новую жену. В ту пору моя мама отправилась в столицу снадобья вести на продажу. А отец ехал с севера домой после смотрин. Никто не порадовал его на севере. И так получилось, что лошадь ногу подвернула, а мама рядом была. Помогла она лошади, а батюшка влюбился без памяти. И не смог от себя отпустить матушку. Сыграли свадьбу в тот же день. Детей мама полюбила как своих, заменила им родную мать. А потом и я родилась. Никто меня не обижал никогда, в семье все жили в любви да согласии. Проходили годы. Старшая сестра расцвела, как яблоня весной. Женихи потекли в столицу, как река. Руки ее просили многие богатыри и князья. А потом пришел Он.

Девушку передёрнуло от страха и отвращения. Кожа покрылась мурашками от воспоминаний.

– Я такого жуткого человека первый раз увидела. А может и не человек Он. Такое зло из Него лилось, такой ужас исходил, что многие в обморок падали. Кожа сухая как лист, серая как пепел. Под глазами чернота, глаза, словно угли, горят красным огнем. Волосы черные, как вороново крыло. Высокий как каланча, худой словно смерть, пальцы, как у покойника. И голос холодом жгучим обдаёт. Входит в по-

кои и словно все живое уходит. – Голос Василисы сошёл до шёпота. – Кощею его звали. Он пришёл в тот день первый раз. Сватался к старшей сестре, к Елене. Ее тогда Еленой Прекрасной величали. Вот Он и услышал о красоте княжны. Привез шелка, самоцветы, золото-серебро. Устелил полы коврами заморскими. Только вот отец не захотел дочку отдавать ему. Разгневался Кощей, молча обвел взглядом всех и вышел, хлопнул дверью. А потом... – Голос девушки охрип, она съежилась от страха. – Скот погибать начал, девушки в старух превращались на глазах, стар и млад падал замертво. Вода в колодцах исчезла. Мор продолжался неделю. Погост рос на глазах. А потом Он пришёл второй раз. Сказал, что если не отдадим за него Елену, Он весь город мором замучит. Мы в тот день плакали всей семьёй, не хотели Еленушку отдавать. Но она, молча, утром сама ушла к нему. И больше не ее видел никто.

Василиса замолчала, сидела и дрожала, как осиновый лист на ветру. Ветер трепал ее медные волосы. Иван не выдержал и обнял девушку. Гладил по голове и согревал теплом. А потом она снова заговорила.

– Через три года и Марья подросла и тоже зацвела, словно подсолнух яркий летом. До того она была доброй, а рукодельница какая. Величали ее Марья Искусница, и снова пришел Кощей. И стал опять свататься. Отец гневил сильно, что есть у Кощея жена уже – Елена Прекрасная. А Кощей ответил, что умерла она давно. И Он за новой женой пришёл.

Наша Еленушка умерла... Как горевал батюшка, как плакала матушка, как серчали брат и я. Как мы боялись за Марью. Как отдать ее Ироду проклятому. А Он снова говорит, что мор напустит. Весь город вышел провожать Марью в тот день. Все плакали. И ее мы тоже больше никогда не видели.

Глаза Василисы были полны печали и тоски.

– Меня стала на болото забирать бабушка, да учить премудростям и хитростям. Как наговор сделать, как лошадь вылечить, как силки поставить, как пряжу напрясть или рыбу словить. Травам учила. Как книгу ее читать волшебную, как людям помогать. Ведуньей она была сильной, не чета мне. Мы знали все, что Кощей и за мной придет, когда время настанет. Бабушка с мамой искали выход. Отец увозил из города скот и людей. Брат перенимал дела, готовил дружину на Кощея пойти, а потом Елисей ушел, биться с Кощеем. Только назад и он не вернулся. Из дружины живыми обернулись трое. Они то и рассказали о замке Кощея. О богатствах несметных, проклятых. О том, что чёрного колдуна не убить мечом, не долетит до него ни одна стрела. Бессмертный Он.

Девушка судорожно вздохнула, глядя вдаль. Молчала с минуту, погруженная в воспоминания.

– А потом выход нашли. Бабушка нашла старый наговор, который помогал изменить обличие, личину сменить. Для этого надо было найти животное, подходящее по рождению. Да тут все просто, я в мае родилась на теплые дни. А этим дням жабы-лягушки покровительствуют. Мы с бабушкой на

болото пошли. Мне тогда только 16 годков было. Она меня на болоте оставила одну на ночь. Сказала, что меня спасительница сама найдет, надо только ждать. Долго я сидела и прискакала сестрица, на колени прыгнула. От неё тогда такой свет шел и такое тепло, несмотря на кожу холодную. Словно я родное существо увидела, которое давно знала. Надобно было к ней год ходить до семнадцати годков. Обряд на крови проводили. Каждый раз капельку своей крови ей отдать надобно было, что бы мое тело смогло принять лягушачий облик. Каждую полную луну в ночь ходила я на болото. Страшно тогда было, но потом топь стала моим домом. И теперь не боюсь тишины болотной.

Девушка провела по волосам рукой, взяла бурдюк с водой, освежила горло и продолжила рассказ.

– Обо мне молва разошлась по всей округе, что краше я любой из старших сестер. Только свататься ко мне не шли. Знали, что Он за мной придет. И звать стали Кошечевой Невестой. А мне так страшно было, да и до сих пор страшно. Так, что жить боюсь! В год семнадцатилетия меня отправили на болото одну, наговор проводить. В тот день я и сменила личину. А когда пришла в столицу, не было там ни одного человека. Сгорел мой город, словно уголек. Ни матушки, ни отца, ни бабушки. Все сгорели. Мне потом те, кто в живых остался и успел бежать, рассказали, что Кощей за мной приходил. А бабушка моя, взяла мой облик и с ним пошла. Когда обман открылся, лютый Ирод убил бабушку, сжёг мой дом,

мою семью. И с тех пор ищет меня, и найти не может. А я на болоте живу. В страхе и потере. Срок личины моей восемь лет. Как пройдет срок, так он меня из виду навсегда потеряет. Только вот ты пришёл раньше срока. И боюсь я теперь ещё сильнее. Как мне без лягушки своей?

Василиса кивнула в сторону пруда с болью в глазах.

– Не станет ее, и я сгину в его чертогах проклятых. Не хочу в страхе жить. Я, знаешь, как его ненавижу? Как хочу, чтобы Его не стало? Как хочу проснуться по утру, а это все кошмарный сон. И матушка с отцом живы. Елисей в лапту во дворе играет. Елена песни поет, а Марья игрушки мне мастерит. А я маленькая, и не было этих лет долгих и страшных. Не было этого всего.

Девушка встала, и пошла к воде. Вошла в нее по пояс и обняла себя за плечи. Медные волосы струились по тонким плечам, и каскадом падали до самой воды.

Тихий свет над туманом клубится,

Далеко над водою сияет звезда.

Ничего со мной не случится,

Если рядом со мною семья.

Далеко над горами ветра не смолкают,

А в полях зеленеет трава.

Все печали и страхи растают,

Если рядом со мною семья.

Тихо птица поет за долиной,
И нагрета солнцем земля.
Буду житья тихо счастливо,
Если рядом со мною семья.

Василиса пела тихую печальную песню, и столько в ней тоски было, столько боли бушевало в ее голосе. Не смог сидеть сиднем Иван. Вошёл в воду, обнял девушку за плечи, крепко, крепко.

– Теперь я твоя семья. Не дам в обиду никому. Моя ты, только моя. – Шептал он девушке слова. Повернул к себе и стал целовать соленые от слёз щеки, и губы ее соленые. И такая родная она была, словно он целым стал.

"Как я жил столько лет без нее?" – Думал царевич, целуя невесту.

Долго стояли они в воде, целовались, да вечер наступил. Прохлада упала на озеро. Туман пошел по воде, заливая окрестности белым молоком.

Разбили костер молодые. Погрели еду. Иван с лесу натаскал лапника елового, устелил на землю, накрыл ковром мягким. Улеглись они спать рядом.

А на небе звёзд не сосчитать. Словно самоцветы они сияли меж облаков. Василиса уснула сразу, а Иван все лежал и думал о том, как им дальше быть. Как убережь Василису от напастей. От того, как ее дома встретят, от чужой молвы, а

главное от Кощея.

Рано утром проснулась Василиса, и пока спал Иван, сняла с себя одежду, вошла в воду и нырнула глубоко, глубоко, как на своем болоте. А потом всплывала и снова ныряла. Вышла из воды, а на берегу лягушка сидит, ее ждёт. Бросилась к ней девушка, обнимала и целовала спасительницу.

И снова провела девушка наговор. Одеда на себя личину, надела платье, и пошла будить жениха.

Дом Ивана царевича

Посоветовавшись, решили они ехать по ночам. Солнце ка- лить не будет, а пока луна полная – дорога светлая.

Держались близ лесов, рек и озер. Находили на день укры- тия в тени деревьев, делали большие запасы воды. Дороги были безлюдными и тихими, не встречали они никого по пу- ти, только звери дикие, да птицы высокие в небесах.

Долго ли коротко, но показался впереди стольный град. Большие поля вокруг, леса дичью богатые, озера глубокие, рыбой полные. И выдохнули молодые, наконец, путь долгий кончился.

Но чем ближе к городу, тем мрачнее становилась Царев- на. Закручинилась. Что впереди ее ждет? Какая молва о ней пойдет среди люда простого? Как на Ивана смотреть будут, что жениться он собрался на юродивой лягушке? Хоть и ви- ду она старалась не подавать, да стал замечать Царевич за невестой странности – молчаливая она стала, не улыбочивая, растерянная.

– Что с тобой, душа моя? Что невесела стала? Какая дума тебя тревожит?

Сначала пыталась успокоить Василиса жениха, что с ней все в порядке, да шило в мешке не утаить. Рассказала она Ивану тревоги свои.

– Мы с тобой столько всего вместе пережили, а ты во мне все сомневаешься? Что нам люди другие? Есть ты и я, все беды напасти вместе выдержим, справимся. Только ты говори мне все, чтобы я знал, чем помочь могу, чем успокоить тебя и поддержать в трудную минуту. – Обнял Иван невесту, и такая сила в нем ожила, что ради нее он готов любые горы свернуть.

Решили в город зайти с утра раннего, чтобы в потемках не ходить по городу, да к Царю-Батюшке показаться сразу по приезду. Разбили они костер в одном из лесов, рядом с ручейком звонким. Иван утку подстрелил и на огне ее зажарили. Долго они говорили обо всем на свете, о детстве друг друга, о семьях своих, об укладе жизни города, в котором предстояло жить Василисе.

– Батюшка мой, хоть и суровый Царь, но справедливый. Народом правит мудро. Матушки моей не стало лет шесть назад, унесла ее от нас хворь-чахотка. Отец до сих пор горюет, так и не стал себе новую жену искать. Говорит, что стар стал для новой царицы. Только вот о внуках грезит, хочет, чтобы в хоромы царских смех звонкий, детский звучал. Старший брат мой – Василий, горяч нравом, но добрый

молодец. Ему и престол прочат по старшинству. Средний мой брат – Ярослав, сильный богатырь, дружиной управляет, врагов бьет, которые набегами наши земля мучают. Так он и останется воеводой при старшем брате. А я, – усмехнулся Иван, – дураком зовусь.

– Почему так? – Удивилась Василиса. Будущий муж оказался мудрым человеком, спокойным, начитанным, добрым. За что его дураком кликают?

– Слишком мягкий я, доверчивый. Отец говорит, что меня любой вокруг пальца обведет. За меня он больше всех переживает, что семья мне нужна как никому на свете, чтобы рядом со мной была мудрая, да хорошая жена. – Царевич смотрел на Василису с любовью и взглядом говорил, что нашел ту, которую искал и отец, и он сам.

Раскраснелась девушка, зарумянилась. Подалась к Царевичу и поцеловала его нежно и страстно. И не напугала Ивана личина лягушачья, ведь знал, как она красива под лягушачьим обликом.

– Хочу скорее жениться на тебе и сделать тебя своею. Деток хочу много-много, чтобы дом у нас с тобою был полной чашей. Хоть сегодня свадьбу сыграем, коли батюшка даст добро.

– А может и не дать согласия? – Испугалась Василиса.

– Не даст, уйдем назад на твое болото, и будем жить в мире и покое. Мне без тебя уже свет не мил. Не смогу я без тебя уже. – Парень обнял девушку и благодарил волшебную

стрелу, которая привела его к суженой.

Собрались ехать, как первые лучи окрасили город в золотые цвета. Город сверкал на солнце, словно волшебный. Залюбовалась Василиса градом стольным. И все страхи ушли, знала, что за Иваном не пропадет.

В город вошли в пятницу около девяти утра. Улицы шумели, вокруг сновали крестьяне, торговцы, бояре. То тут, то там бегали мальчишки дворовые и кричали новости на каждом углу.

– Завтра свадьба состоится у старшего Царевича Василия, женится он на боярской дочери! На пир-горой зовет всех Царь наш славный. Пусть приходит и стар, и млад.

– В следующее воскресенье состоится свадьба у среднего Царевича Ярослава, женится он на купеческой дочери. На пир-горой зовет всех Царь наш славный. Пусть приходит и стар, и млад.

– Младшего Царевича как нет, так и нет! Ушел он вместе со своими братьями и не вернулся, по сей день ждет его Царь-батюшка! Награду дают за живого мешок золотых, кто найдет – обогатится!

На прилавках лежали товары со всего света. Шелка заморские, оружие из стали крепкой – мечи да булавы, самоцветы яркие и золото серебром сверкающим, хлеба пышные, овощи свежие, фрукты сочные. То тут, то там слышались крики торговцев.

– Мечи крепкие, уберегут от любой напасти...

– Клубника алая, да сладкая, вкуснее не сыщешь...

– Платки красоты невиданной. Ковры заморские...

Шумел город, жил своей жизнью. Во все глаза смотрела Василиса на суету и городскую жизнь. И снова тоска нахлынула, по родному дому, по городу который в пепел превратил Кощей, по матушке, отцу, и бату с сестрами. Что было бы, если не пришел бы Кощей? Где бы она сейчас была, как жила?

И вот они царские хоромы. Купола цветные на солнце горят, как самоцветы, стены из красного крепкого кирпича. Вокруг крепость высокая с бойницами, ворота большие, да расписные, дорога камнем вымощена. Аж дух захватывает!

Встали они у ворот. Стража увидела Царевича, обрадовалась, давно его Царь-батюшка ищет по свету, гонцы с ног сбились. А он тут, живой здоровый, да с невестой. Только невеста лица не показывает, скрыто лицо под плащом с капюшоном.

Пропустила стража молодых. А Иван гонца к отцу отправил.

– Ты главное не бойся, я все отцу объясню, расскажу, кто ты, и какая ты у меня хорошая, рядом буду с тобой, за руку держать буду. Я рядом, слышишь?

Василиса только кивнула, опустила капюшон еще ниже и взяла Царевича за руку. И пошли они вместе коридорами длинными, хорамами богатыми. А новость вперед них бежала, что вернулся Царевич младший, живой, здоровый да с

невестой. А вот и зала царская! Потолок высокий, расписной. Колонны тяжелые свод подпирают, а на троне Царь сидит.

Царь батюшка

Вокруг Царя стояли бояре в дорогих одеждах расшитых серебром, обитых мехами. Вдоль стен выстроились дамы знатные в платьях, красоты невиданной. По правую руку от Государя стоял высокий статный юноша в красном кафтане. Глаза, как у Ивана, голубые, словно небо. По левую руку стоял другой юноша, такой же статный в синем кафтане. Глаза серые, сурово смотрели на Василису.

«Вот они братья моего будущего мужа». – Подумала Василиса.

Страх обуял девушку, да такой, что бежать хотелось без оглядки из царских хором.

А Царь, словно из мрамора выточенный. Косая сажень в плечах, одежды, словно из чистого золота на нем. Борода длинная да седая, словно серебро. Глаза, словно сталь, серые. Вид грозный, волевой. Как будто давил он всем своим видом и силой скрытой.

Подошли Иван с Василисой к трону и упали на колени перед Царем-батюшкой.

– Вели слово молвить. – Сказал Иван, кланяясь отцу.

– Говори, сын мой младший. Думал, не увижу тебя боле. – Царь смотрел грозно, да улыбка все равно теплой была, видно скучал он и переживал за сына.

– Пустил я стрелу свою на юг. Летела она долго, за поля, реки, озера, леса, да попала в болото топкое, прямо в окно моей Василисы. Долго я ходил вокруг избы ее, долго уговаривал выйти. Да, никак не соглашалась она. Одолели меня на болоте комары пискуны, измучило жарой. День и ночь, и еще один день просидел я у болота, а потом показалась невеста моя. И как наказал ты, взял я жену, ту, которая стрелу нашла мою. И не осерчай на нас, так я и сделал, как ты велел. Не стал с твоим наказом спорить и судьбу гневить.

Сжал Иван Царевич руку Василисы, так крепко, что даже больно ей стало. Поняла девушка, что боится он за нее и за реакцию отца. Отняла она руку свою из Ивановой руки. Сняла капюшон с головы. И такой ропот покатился по хоромам. Придворные дамы завизжали, заохали. Бояре зашумели.

Большие желтые лягушачьи глаза смотрели только на Царя, не смея отвести взора.

А потом тишина наступила. Такая тишина, что слышалось только дыхание людское. Люди приходили в себя от шока. В шоке и Царь-батюшка сидел.

– Все вон пошли, все, до единой живой души вон из хором! – Вдруг закричал Царь. – А вы, молодые, останьтесь. Хочу поговорить с вами по душам.

Молодые стояли на коленях, а зала пустела. Первыми вышли дамы, за ними бояре, а следом и братья старшие. Стало снова тихо, а когда все вышли, Царь встал с трона, подошел к сыну, взял его за руку, обнял крепко.

– Живой, живой пришел. Так тяжело мне на душе было, столько я гонцов разослал по свету, тебя все искал, а вестей все не было. – Тихо сказал он сыну.

Затем повернулся к Василисе.

– И ты встань, хочу рассказ ваш услышать. Поведайте мне историю, как добрались, что приключилось с тобой, дева юная.

Василиса встала, поклонилась Царю батюшке.

Не стали они ничего таить, рассказали, все как было, как есть на духу. Не один час рассказ длился. Царь слушал и не перебивал. А когда закончили они историю, он долго молчал, задумавшись.

– Да, каких только чудес не встретишь на свете! – Молвил Государь. – Ответь мне Иван, ты хоть младший у меня и дурак, но самый любимый сын, любя тебе Василиса, готов ты с ней прожить в мире и согласии жизнь долгую? Готов отвечать за жену, беречь ее от молвы людской? Ведь нелегкое это дело – ношу такую нести. Знаешь сам, какой народ в нашем граде живет! Как судачить будут языки злые, как будут на каждом шагу говорить о том, что ты дураком был и еще большим дураком стал, что на лягушке женишься!

– Люба она мне. Как жизнь дорога! Готов, за все готов отвечать, готов с ней и радости делить, и печали, и горести. Я видел ее и красавицей, и такой, какая она сейчас есть, и любая она мне нужна! – Отвечал Иван, беря Василису за руку.

– А ты, Василиса? Готова Ивану быть покорной во всем?

Готова к тому, что о тебе за спиной будут черные слова говорить. Ведь Царевич он, не крестьянин, не боярин, не купец, ему в жены любая готова пойти, а тут ты. Не обижайся на старика за слова, но как есть говорю. Многие будут злословить, что ты ему не чета, и доказать тебе придется, что достойна ты рядом с ним стоять рука об руку! К этому ты готова? – Спросил Царь девушку.

Она лишь на Царя посмотрела, да кивнула молча. Теперь ей идти не куда, да и Иван ей семьей стал, как без него жить?

– Тогда согласие даю. Но чтобы жаловаться ко мне не ходили на трудности. Ваша теперь эта дорога, совместная. Супружеская жизнь на то и дана, чтобы все трудности вместе пройти, да при этом жить в согласии и любви.

Упали Иван с Василисой в ноги к отцу-батюшке, и спасибо молвили.

– Свадьбу сыграем через две недели, после Ярослава. А там решайте сами, тихую или пиром-горой на все государство. Любое решение поддержу. А теперь ступайте, поди устали с дороги. Отдохните, а завтра на свадьбу Василия приходите, пировать будем. – Царь сел на трон и махнул рукой, отпуская молодых.

Василиса не стала надевать капюшон, теперь нужно вытерпеть все, ради того, чтобы быть с Иваном рядом бок о бок, не прячась от глаз людских. С гордо поднятой головой она вышла из царских хором, не обращая внимания на чужие взгляды и говор прислуги, и бояр.

Только вот не знали молодые, что впереди их ждут трудности пострашнее молвы...

Свадьбы Царевичей

Привел Иван молодую невесту в свой терем. Дворовым строго наказал не обижать Василису. А от кого услышит слово злое или за спиной пересуды, того к царю-батюшке на суд отправит.

Терем девушке понравился, высокий светлый, во дворе озеро чистое, большое. Обошла она комнаты, в каждой чистота и быт налажен как надо. Отдохнули молодые вечер и ночь переспали. Рано встали, собираться на праздник нужно. Свадьбу играть сегодня собрались старшего Царевича.

А у Василисы и платьев нет новых, те, что были у нее смолоду старыми стали, выцвели, неприглядные совсем. Выпросила она у Ивана кружева, ленты, самоцветы, нитки золотые, да иглу покрепче. Взяла свое старое любимое, зеленое, бархатное платье и давай мастерить. В руках работа спорилась. Воротник расшила она кружевом, а по переду цветы золотые пустила и наговор нашептала, чтобы цветы ожили и распустились, как живые. В каждый цветок вшила она по камню самоцветному. Рукава легкие кружевные светиться заставила. И такая красота получилась у нее, глаз не отвести.

Расчесала волосы свои золотые-медные, в косу уложила тяжелую и вокруг лягушачьей головы обернула короной. На ноги сапожки сафьяновые надела. И засветилась вся, да так, что и лица лягушачьего не видно стало совсем.

Покрасовалась Василиса перед зеркалом, довольная осталась, а тут и Иван подоспел. Увидел суженую свою и обомлел.

– Как еще две недели выждать? Как до свадьбы тебя своей не сделать? Мочи моей нет! Всех краше ты у меня, в любом обличии прекраснее любой девушки на свете. – Обнял Царевич невесту, расцеловал сладко. Взял за руку и повел во двор к карете.

Град стольный шумел. Украсили улицы пышно, празднично, с размахом. Кругом флаги красные, цветы везде. Жители надели самые лучшие свои наряды. Стоял запах выпечки, сладостей, жареного мяса. Кругом пели песни, смеялись люди, кричали, радовались. И как река, текла толпа к царскому дворцу. На ходулях прыгали скоморохи, играли гусли, гармони, баяны.

Прибыли Иван со своей невестой в хоромы царские. Руки Василисы вспотели, как она нервничала, словами не передать. Желудок скрутило судорогой. Ведь по столице уже разлетелась новость, что привез младший Иван-дурак из-за дальних далей невесту-лягушку, неведомую зверушку. Все поглазеть хотели.

А Царевич взял за руки любимую, посмотрел в глаза смело, с любовью и такой верой в нее, что все страхи сами отпали. Главное, что он рядом с ней.

Вышли они из кареты. Глашатай закричал громко, на всю толпу.

– Иван Царевич со своей невестою Василисой прибыли.

Умолкли песни, затихла музыка, замерли скоморохи, толпа замолчала и ринулась посмотреть на чудо-дивное, на невесту-лягушку. А Василиса подняла голову высоко и гордо. Она Княжего рода! Манерам и этикету обучена, языки знает. А то, что наговор на ней лежит, это ее собственный выбор, она сама этот путь выбрала, и с Иваном сама согласилась быть рядом! Пусть говорят, и пусть говорят много, а уж она им покажет, какая она есть! Не внешность за человека говорит, а дела и поступки ее. Да, время пройти должно! Да, будут говорить плохое, но кто вспомнит об этом, когда увидят ее живую и настоящую? Взяла она жениха под руку и пошли они сквозь толпу, которая расступалась передними как берега перед рекой.

– Ух ты, и правда, лягушка. Но смотри, как идет, а платье, какое у нее. А волосы какие, словно медь золотая.

– А ладная какая, стройная.

– Лягушка и есть лягушка. Смотри, какое лицо зеленое и глаза огромные.

– И где он нашел ее такую? Где такое чудо взял? Вот потеха!

Народ шептал за спинами, но Иван держал ее крепко, и знала она, что не даст в обиду. Рука об руку они подошли к воротам царским. У ворот стоял Царь-батюшка в красном кафтане, с седою бородою. Высокий, широкоплечий. На голове корона державная, в руках кубок большой. Справа от

отца средний Царевич с будущей супругой Марфой встал. Она из купеческой семьи. Высокая, тонкая как тростинка, волосы русые, глаза, словно листва зеленые. Платье на ней заморское цвета спелого яблока красного. Невеста под стать жениху. Как они вместе ладно смотрелись.

Иван с Василисой поднялись по ступенькам и встали слева от батюшки. Толпа вновь зашумела, все глазели на Василису. Шептались. Но Иван и бровью не повел, только обнял за талию будущую жену и на ухо прошептал, что он с ней рядом. Василиса благодарно улыбнулась.

И тут царь попросил умолкнуть люду. Поднял высоко кубок с вином, и заговорил.

– Слава молодым. Слава!

Толпа зашумела, обернулась назад, расступилась. К воротам подъехала открытая карета и остановилась. И ступили на красный ковер Царевич Василий с невестой своей. Как узнала Василиса, невеста была боярской дочерью, Настасья Степановна по батюшке. Девушка на вид ладная, про таких говорят – кровь с молоком. Высокая, пышногрудая, с косой цвета поля созревшего, губы сочные полные, глаза янтарем горят. Платье на ней белое, серебром и алмазами расшитое, рукава тяжелые пышные. На голове кокошник, как корона. На Царевиче кафтан белый, под стать одеянию невесты. Голубые глаза сияют радостью и счастьем.

Пошли молодые, не спеша, к Царю, а их стали осыпать монетами, зерном и цветами. Крики и смех наполнили пло-

щадь.

– Слава молодым!

– Слава!

– Счастья молодым!

– Долгой жизни молодым!

Толпа ликовала. Люди хлопали в ладоши. Под эти звуки подошли Василий с Настасьей к царю и опустились на колени, склонили перед ним головы до земли.

– Встаньте, нареченные, передо мною, как свет перед Землею Матерью. – Царь передал свой кубок старшему сыну. – Испейте вина моего, с позволения моего. Дарую я вам супружескую жизнь и согласие даю на венчание. Живите в мире и согласии. Вовек с вами любовь пусть царит.

Василий и Настасья встали, повернулись к друг другу. Испили вина из кубка.

– Согласен ли ты, Царевич Василий Васильевич взять в супруги Настасью Степановну и быть ей опорой во всем? – Спросил Царь.

– Согласен. – Ответил, тот улыбаясь невесте.

– Согласна ли ты, Настасья Степановна, взять в супруги, Царевича Василия Васильевича?

– Согласна. – Прошептала девушка, опустив взор.

– А теперь кольца возьмите обручальные. – Царю подали красную бархатную подушечку, на котором лежало два кольца. Одно железное для мужа, как символ опоры, а второе золотое, как символ чистоты будущей жены. – Молодожены об-

менялись кольцами, и царь провозгласил, – Венчаю вас мужем и женою! До самой смерти неразлучными вам быть!

И тут толпа взревела.

– Горько! Горько! Горько! Горько! Горько! Горько! Горько!
ко!

Молодые поцеловались. Невеста зарделась, щеки налились румянцем. Царь-батюшка приказал открыть ворота молодым и жестом велел идти во дворец.

– А люду простому гулять и пить до утра! Песни петь, за молодых радоваться и веселиться до упаду. – Громко повелел царь и пошел вслед за молодыми. За отцом пошел средний Царевич с невестой, а за ними и Иван с Василисой.

Толпа ринулась на улицы города, на которых накрыли столы. Площадь постепенно пустела.

А вот царские хоромы наоборот заливало толпой бояр, купцов, придворных. Столы были накрыты богатые. Тут и осетрина жаренная, и икра черная, и утки в яблоках и хлеб с солью, и мед рекой, и другие яства невиданные.

В центре стола усадили молодых. По правую руку сел Царь-батюшка. По левую, от молодых сел средний Царевич с Марфой. А Иван с Василисой сели подле отца. Пир был горой, вино текло реками, яства заканчивались и на их место, тут же, ставились новые. Поднимались тосты за молодых. Гости то и дело кричали «Горько». Скоморохи паясничали, менестрели пели песни, играла музыка. Весь день и вечер шумел царский двор, шумели улицы города до самых

рассветных лучей.

Но то и дело, ловила не себе и на Иване Василиса пристальные, любопытные, злые, недобрые взгляды. То и дело, слышала она за спиной пересуды, о Иване-дураке, лягушке-зверушке. Слышала смех в их сторону. Хоть и держалась она достойно, но это выматывало. Хотелось скорее домой в их терем.

А когда позвали танцевать всех, ее чуть не упала она без чувств. Такое напряжение в ней скопилось, такая дурнота накатила, что в глазах помутнело. Иван вовремя подхватил будущую жену, обнял, успокоил.

– Тише, тише, моя хорошая. Я рядом, с тобою, подле тебя. – Поцеловал ее в лоб, посмотрел в глаза, успокаивая.

Василиса сделала глубокий вдох, выдохнула, посмотрела Ивану в глаза и улыбнулась.

И они пустились в пляс. Танцевать девушка любила. Дома, в своем родном городе, она часто танцевала на пирах и балах. Ноги сами несли, а Иван кружил ее легко и свободно. Платье ее развевалось, цветы на нем распускались волшебными лилиями, розами. Рукава сияли мягким зеленым цветом, самоцветы сверкали при свете тысячи свечей. И словно, спал морок. Все вокруг увидели не лягушку, а прекрасную девушку, словно, лебедь она плыла по залу. И глаз нельзя было отвести от нее.

Толпа ахала и охала, шумела, хлопала, удивлялась. Царь смотрел на пару и понимал, что сын нашел себе невесту под

стать, такую, что в сказке не найдешь, и тихо радовался за Ивана.

Танец кончился. Вечер прошел. Молодых одарили подарками. Пьяные гости расходились, кто, куда. Пустели царские хоромы.

И Иван с Василисой отправились домой. Уставшие они вернулись в покои, и спать легли.

А потом дни потекли своим чередом. Василиса вникала в дела Царевича, помогала ему с теремом управляться. Дворовые хоть и шарахались поначалу от будущей хозяйки, но как увидели ее веселый нрав, спокойную рассудительность, приняли и полюбили ее. А после свадьбы Царевича Василия и вовсе диву давались на девушку, такие слухи о ней пошли в народе. Что лягушка и не лягушка вовсе, что прекраснее она любой девы в царстве.

А там и свадьба среднего царевича Ярослава отгремела. Такая же шумная, такая же пышная. Народ хмелел от празднеств. Разгулялся. А впереди была и свадьба Ивана и Василисы.

Долгожданная свадьба

Василиса почти не виделась с Иваном. Столько дел на нее свалилось. И платье надо свадебное сшить, к нему ткани выбрать, ленты, кружева, украшения. Надо на пир составитьстряпухам перечень блюд застольных. Заказать у купцов цветы, самоцветы. Позвать мастера ювелирного, который ей с Иваном кольца изготовит. Это кажется, что знатная жизнь

спокойная, а дела кругом находились. Да и в тереме дел полно было, то мука кончилась, то скотина захворала, то письма написать надо, проверить расходы. За всем в хозяйстве глаз нужен. Хоть и выполняла всю тяжёлую работу не сама, но хозяйство вести должна хозяйка.

Иван же пропадал во дворце большом. Помогал отцу с бумагами. На конюшне тоже дел было много. К свадьбе на него работа тоже упала. То разослать письма на приглашения, то охрану организовать, карету поправить, столы проверить. Кафтан новый заказать, мерки снять.

В общем, уставали молодые, да так, что вечером обоих хватало лишь словом обмолвиться, да обняться.

Скучал Иван по невесте. За это время она ему светом стала. Не хватало разговоров по душам, рук ее нежных. Уж и пожалел он, что с болота они уехали. Сейчас жили бы вдвоем. По вечерам на лодке бы плавали, в гости бы к Водяному ходили. Эээх, скорее бы свадьба.

Дни проходили. Платье свадебное было готово. Белое из лёгкой прозрачной ткани. Наговор на него навела Василиса, чтобы искрились оно словно снег на солнце. Украшать сильно не стала, чуть-чуть изумрудов по верху, чуть-чуть вышивки, и цветов живых. А потом взялась она за кафтан Ивана, тоже наговорила, сиять заставила. Пришила пуговицы изумрудные, на рукавах вышивку золотом пустила.

Скорее хотелось закончить с праздником и зажить тихо, да спокойно.

Царь их зазывал к себе на поклон, спрашивал о том, как они свадьбу играть собрались. Сначала хотели тихо, чтобы людей поменьше. Но потом решили, что если тихо все пройдет, то молву ещё сильнее пустят. Мол, стесняется Царевич суженой своей, и прячет именно поэтому. На том и порешили.

И вот день настал. Василиса встала рано, ранехонько. Только заря занималась. Надела тонкую белую рубашку. Вышла во двор и к озеру пошла. Зашла по пояс в воду, сняла наговор. Лягушка ей в ладошки прыгнула, и нырнули они обе в воду. Всласть наплавались вместе. Вышла на берег Василиса, села на траву зелёную, подругу свою на колени посадила и вместе они рассвет встретили. Ветер трепал локоны девушки. А она сидела закрыв глаза и счастьем своему не верила, что, наконец, женой Ивана станет.

Солнце встало, а значит и дворовые скоро проснуться, нельзя чтобы ее такую увидел кто. Вернула она себе лягушачье обличие и пошла в терем, к свадьбе готовиться.

Волосы заплела она в косы, надела платье свадебное. На ноги черевички белые. Как бы ей хотелось в своём облике замуж выйти. Быть самой собой в это день, но ведь тогда беды жди. Повздыхала Василиса, да делать нечего. Девки дворовые вокруг нее крутились, помогали да охали, на платье глядя. Так и сверкала ткань на свету, переливалась дороже любых камней самоцветных.

В комнату вошёл Иван залюбовался невестой. Давно он

научился сквозь сорок смотреть, и видел её настоящую, такая, какая она есть. И до того себя счастливым чувствовал, что словами не передать. Она кружилась в хоромах, платье сверкало на ней, а в глазах счастье светилось. Ну как не обнять любимую?

– Наконец сегодня моею ты станешь. Не уж, дождался я? – Улыбался Царевич. А Василиса краснела румянцем. – Так и остались бы в тереме, никуда бы не пошли. Только ты и я в целом свете.

– И я так хотела бы.

Но деваться некуда. Народ ждал, ждал отец Государь, ждали братья. Ехать было пора. Конюхи давно запрягли карету тройкой лошадей, и те били копытами у крыльца.

Карета ехала быстро, цокали копыта лошадей. И снова город украшен был, что ни в сказке не сказать, ни пером не описать, море цветов, флаги, фонари, ленты по всем улицам развешены. На каждом углу пели песни менестрели, скомоорохи веселили народ. И снова людская толпа текла ко двору. Третью неделю гудел город, свадьба за свадьбой, слыханное ли дело, что все три Царевича женятся?

Подъехала карета ко дворцу, а их уже встречают. Как вышел Иван, да невесту свою на землю спустил, ахнули все. Такого платья никто никогда не видывал. А Василиса лицо фатой прикрыла.

Царь обвенчал молодых. Обменялись они кольцами. Поднял Иван фату, посмотрел на жену и поцеловал.

Хоть и шли слухи о том, что не лягушка она вовсе, а красавица, каких свет не видывал, но облик лягушачий не денешь никуда. Кожа зеленая, мокрая, глаза большие желтые, рот огромный с кучей зубов мелких. И ропот пошел по толпе. Кто-то радовался, кто-то смотрел с отвращением, кто-то улюкал, смеялся. Хоть и кричал народ «Горько!», но многие думали о том, какой Иван – дурак.

Потом пир-горой был. Все пели, ели, плясали. Скоморохи паясничали, менестрели сочиняли баллады. И свадьба эта в историю вошла, историю о том, как лягушка стала женой Царевича.

На пиру Василиса выпустила светлячков, которых на озере набрала. И нашептала им танец устроить. Кружились огоньки под потолком, рисуя сказочных птиц, рыб, да волшебные цветы распускались, а потом осыпалось все дождем. В хоромах стояла тишина. Люди такой красоты не видывали никогда. А как в себя пришли такой шум поднялся, так хлопали, охали, радовались, кричали, восхищались. И долго ходила молва да слухи, что невеста не просто лягушка, а волшебница, какой свет не видывал.

А когда пришло время танцу молодых, то замерли все в предвкушении. Помнили и бояре и придворные, как танцевала Василиса раньше на свадьбах Царевичей. Закружил ее Иван по зале царской. Платье на ней огнем горело, искрилось, развеваясь вокруг молодой жены. А светлячки снялись с мест и ринулись роем вокруг молодых, создавая вокруг них

кокон светящийся и не было ничего прекраснее этого раньше. Царь обомлел, такую невестку сын нашел, что слов не было. Понял, что достойна она, быть, не только женой младшего сына, но и царицей.

И не только восхищение было, а зависть черная поселилась в некоторых сердцах. Смотрели на Василису две пары глаз со злобой, да ненавистью черной. То были жены первых Царевичей, видели они, что не чета они ей, что сила в ней скрытая. И страшно обоим стало, что обойдет она их по силе своей, что власть отберет у них, и влияние окажет на люд такое, какое им и не снилось.

А Иван смотрел на свою жену, и счастливее его не было на всей земле. Наконец Василиса стала его женой, наконец, его она будет, и никто не отберет ее у него. Да вот только не знали они, что Кощей лютует пуще прежнего, что ищет он Василису всеми заклятиями, наговорами, волшебством сильным. Ищет, чтобы снять свое заклятие страшное и ни перед чем не остановится. Птицы летали черные по свету, высматривая, звери ходили дикие по лесам, вынюхивая, люди злые во все глаза рыскали, подвергнутые чарами сильными. Развернул Кощей такую силу вокруг, да ждал, когда ослабит Василиса свою осторожность. Ждал, злился, и ждал...

Вот и кончился пир, стали расходиться бояре и придворные по домам, теремам своим. А молодых в карету отвели и уехали они восвояси.

А в тереме у Ивана всякое терпение кончилось. Выгнал он

дворовых, да слуг из хором. Василиса сняла с себя наговор, ведь хотелось быть ей рядом с ним в эту ночь самую собой, той какой ее мать родила. Отпустила она лягушку в озеро у дома и к мужу вернулась.

Глаза светились счастьем, распустила она косы свои золотые-медные, сняла с себя платье свадебное. Повел ее Иван в покои. И до утра не могли они объятий распустить. Наконец стали одним целым. И когда уже уснул Иван, пошла Василиса к озеру, кликнула подругу-лягушку свою. Долго плавали они вместе по озеру, пока рассвет не занялся на востоке. И снова наложила она наговор на себя и пошла, спать к любимому.

Но не знала она, что сморят за теремом и озером две пары глаз злые, да завистливые, не знала, чем обернется все дальше...

Царские испытания

Потекли дни супружеские с хлопотами, печальями да радостями. За три года на болоте Василиса научилась полагаться только на себя. Была она там, на болоте, сама себе хозяйкой, никто ей был не указ. На этом и стали ругаться они с Иваном.

– Ты опять сама во дворе крыльцо прилаживала, а дворовые на что, а я на что?

– Ну, поправила и что с того? Мне не сложно.

– Не сложно? Ты жена моя, а не плотник. А коню ногу лечила зачем? Конюх на это есть. Сиди в хоромаш, шей вышивай, травки суши.– Сокрушался Иван.

– Не могу я, когда животное мучается. – Оправдывалась Василиса.

– А почто тебя вообще в конюшни понесло, зачем ты там?

– Хотела на лошадей посмотреть.

– Так и смотри, кто мешает, зачем у людей работу отнимать?

– Полезной я хочу быть. Людям помогать.

– Так помогай советами, нашла беду в хозяйстве, мне скажи, или дворовых кликни. Ох, и своенравная ты у меня.– Злился Иван. – Жена под мужем ходить должна, а не выполнять его обязанности.

Ругались, хлопали дверями. Мирились ночами. И решил Иван к отцу пойти, совета просить, как сладить с женой молодой. Отец-батюшка возрастом умудренный, жизнь долгую прожил, жену похоронил, сыновей воспитал, поможет словом.

А царь смеялся.

– Эх и строптивая, как кобылка дикая. Да, такую укротить сложно будет! Сильная девка, а ты добрый, да мягкий. Дурак, ты, у меня и есть дурак. Но тебе подсоблю. Тут что надо? Занять бабьи руки, да голову делом. Деток вы пока не родили, а значит надо испытания устроить. Иди домой спокойно. Помогу я тебе, да себе потеху устрою. – Царь улыбался радостно. Заскучал он, а тут можно радость себе устроить, да на Василису посмотреть получше. Уж очень нравилась она ему. Сильная духом, смелая, красивая, волевая, как жена его.

Вот бы на престол такую с сыном посадить, но для этого и Ивану надо сильнее стать!

Созвал он совет семейный на следующий день. Всех троих сыновей позвал, да жен их.

– Хочу, – говорит, – я себе ковер в покои свои, рукодельный. Но не простой хочу, а сделанный руками невесток моих. Посмотреть навыки ваши. И сроку вам даю неделю.

Зароптали старшие невестки. Хоть и учили их вышивке да ткачеству, но всегда это делали за них дворовые девки, а сами они потом работу только до ума доводили. Как это так, ковры ткать руками белыми, как это к станкам ткацким вставать? Одна Василиса смолчала.

А Иван радуется, вот хорошо, жена занята будет.

Разошлись по своим теремам. У старших братьев в домах скандалы страшные начались. Кидались прялками, да пряжей Настасья и Марфа в супругов. Склоки начались. Злились молодухи.

А Василиса недолго думая, попросила ей в светлицу ткацкий станок принести, да пряжу разноцветную. И принялась рукодельничать, да кудесить. И так ладно у нее получалось. Ведь долгими зимами, чем занять себя на болоте? Да и матушка с бабушкой научили ее многим премудростям.

День за днем ткался ковер красоты невиданной. Ткала Василиса град Стольный. Каждую избу, каждый терем, каждое деревце выткала. Просила она ласточек, да воробьев летать по городу, и каждую деталь запомнить, и ей рассказать. А

уж, какой Царский дворец красивый вышел, глаз не отвести. Купола переливались всеми цветами радуги, стены красные огнем горели. А солнце ясное лучами город освещало, свет да тепло проливало. Каждую травинку можно было рассмотреть. Иван диву давался, какие у жены руки золотые.

Некогда было Василисе по двору ходить, еле успевала она по хозяйству счет вести, да советами помогать. А еще узнали о ней люди, что травница она, да лекарка хорошая и народ в терем потек рекой. То ребенок захворает, то взрослый сломает что-то на пашне или стройке. И советами помогала правильными, как правильно рожь собрать, чтобы ни одно зернышко не потерять, как воду чистить от «гинили», болезней в городе меньше становилось. Слава летела о жене младшего Царевича во всю округу. Но и злоба копилась в черных сердцах на нее сильная, и зависть темная.

Наступил день показа ковров рукодельных. Собрались бояре и придворные в хоромах царских, пришли все три Царевича во дворец с женами своими.

Первой показала свою работу Настасья. Ковер вышел ладным, да только блеклым он был. Цветы да птицы. Такой можно было только у трона на пол постелить. Вторая показала свою работу Марфа. Ковер ее был вышит нитями золотыми, с конями санями волшебными, переливался он на свету красиво, такой можно было в царских покоях на пол постелить.

А потом и Василиса вынесла свое волшебное полотно. И ахнули все. Словно на ладони город Стольный был. И смот-

реть на него можно было, не отрываясь и все увидеть, каждую травинку, каждое бревнышко на избе. А Дворец изумлял мелкими деталями и красками яркими. Царь и бояре, с Царевичами только диву давались.

– Такой ковер нужно не в покоях вешать царских, а в самой приемной за тронем в светлице. Чтобы каждый проходящий видел богатство и достаток города. – Воскликнул Царь. – Вот Василиса, вот мастерица, уважила старика, порадовала!

И снова молва пошла о Василисе-Премудрой по окрестностям, что она мастерица великая. Только сильнее ненависть росла в невестках старших.

И снова царь созвал сыновей и невесток в покоях своих.

– Уважили старика коврами дивными, увидел, что мастерицы вы искусные. И захотелось мне посмотреть, какие выстряпухи. Хлеба мне хочется вашего отведать. Срок даю вам до завтра.

И снова бранятся жены старших сыновей, ругаются, что не их это дело. Но с Царем, что толку спорить?

Вернулись в терема. И снова старшие сыновья с женами ругаются. А Царевичи супругам в пример ставят Василису. Что она не только рукодельница, но и жена тихая да покладистая. Ох, как не понравилось это Марфе да Настасье.

А Василиса пришла домой, поцеловала Ивана, и пошла в поварню. Попросила девок-помощниц набрать ягод сладких да спелых, земляники, черники, малины, клубники в огоро-

дах да лесах. А сама тестом занялась. Не пожалела муки пшеничной белой, яиц, закваски да сливок самых свежих. Мягкое тесто вышло, пышное. Из такого хлеб да пироги получаются воздушными да вкусными. Этот рецепт ей на болоте бабушка подсказала.

И загрустила Василиса, снова тоска ее взяла по родным да близким. Коли не Кощей окаянный, были бы все вместе недалеко друг от друга. Да что горевать-то сейчас? Дело делать нужно. А если настрой злой, грустный, то и хлеб таким выйдет. Взяла себя Василиса в руки и принялась тесто раскатывать, а тут и ягоды принесли.

Добавила девушка и творог сладкий, и ягод не пожалела. А сверху украсила цветами дивными, словно поле на солнышке с маками, ромашками и васильками. Закинула в печь хлеб и наговор навела, чтобы тесто в печи не подсохло и поднялось хорошо. И такой аромат по дому полетел, что сбежались на кухню и стар и млад. А Василиса теста много наготовила и еще пирогов налепила попроще. Все ели и удивлялись, как вкусно получилось. Ел и Иван хлеб жены и маму вспомнил. Как угощала она его пирогами вкусными, когда он маленьким был. Обнял жену, поцеловал. И еще раз поблагодарил стрелу волшебную, что привела его к Василисе.

Наутро встали молодые, да снова пошли в хоромы царские. А там уже все ждут. Царевичи хмурые стоят из-за брани в семье, и жены злые, что всю ночь не спали.

Первая снова Настасья вышла. Такой пирог у нее вышел,

румяный, красивый. Все диву даются, красота какая. Терема стоят сказочные на хлебе. Попробовал Царь хлеб, да чуть не выплюнул, столько соли Настасья в него положила, что есть нельзя. Еле водой отпился.

Второй вышла Марфа. Неказистый вышел пирог, самый простой, косами украшенный. Попробовал его Царь, а хлебо-то сухой, словно в него молока да яиц пожалели. Снова воды попросил.

Тут вынесла свою выпечку Василиса. Вот так диво-хлеб! Цветы, словно, маковое поле. Аромат такой, что слюнки у всех потекли. Царь отломил кусок, съел и прослезился, так раньше пекла его жена Прасковья. А может даже и вкуснее вышел хлеб. Давно такого Царь не пробовал, и бояре угостились. И стали хвалить Василису все вокруг.

– Ну, угодила ты мне. Душу порадовала хлебом. Всем хлебам хлеб вышел. – Радовался Царь-батюшка, глядя на невестку. Как сыну все-таки повезло!

И снова зависть черная накрывала двух невесток. Как обойти лягушку проклятую. Ни кожей, ни рожей не вышла, а ее хвалят все!

– И хлеба печете, и ковры у вас получились. Хорошие невестки у сыновей моих. – Молвил Царь, а сам только на Василису смотрит. – Но вот хочу я от вас услышать рассказы, как вы будете своих детей учить, чем увлекать, как хозяйство вести? Каждая из вас будет приходить ко мне по вечерам и беседы со мной беседовать. Первой пусть приходит Наста-

сья, вторая Марфа, а уж Василисушку жду на третий день.

На том и разошлись все.

А к Василисе потекли люди в терем, кто, зачем. Кто за советом, кто за лекарством, кто за рецептом хлеба вкусного. И не видел уже никто в ней лягушку безобразную. Видели хозяйку добрую, лекаря сильного, женщину мудрую. Радовался ей и люд простой, и Царь, и бояре.

В первый вечер пришла к Царю старшая невестка, Настасья, да только завыл от тоски с ней Государь, еле вечер отсидел. Во второй день пришла к нему Марфа жена второго сына, а с ней царь уснул на второй час, так она его утомила.

Наступил черед Василисы. Пришла она к Царю-батюшке, а он того и ждал. И потекли у них разговоры обо всем. Василиса матушкины и бабушкины сказки рассказывала, о семье говорила, про Кашея поведала, про жизнь на болоте. И Царь с ней обо всем делился, о жене, как тяжело ему было, когда не стало Прасковьи. А Василиса слушала и соболезновала ему, ведь сама она близких потеряла. Час за часом проходил, а речи все не кончались. И о государстве говорили, и о том, как скот разводить, как город укрепить. И казалось, что девушка все на свете знает, поразила она Царя своей мудростью. И еще тверже он уверовал, что должна она с Иваном на трон взойти, добрая бы была царица, будущему царю верная помощница во всем. Так и утро наступило. И так не хотел ее царь от себя отпускать, словно дочкой она ему родной стала, да ведь Иван уже у дверей все ноги истоптал, переживая за

жену.

Так и кончились Царские испытания, а сам Государь потом не раз посыльных за Василисой слал, совета во многом просил. Ох, как не понравилось это невесткам старших сыновей. И решили они известить Василису.

Пришла беда, откуда не ждали

На болоте жила Василиса тихо. Хоть и помогала она деревенским, и в деревню ходила, да все равно чаще одна была. Покой там царил, тишина. И очень скучала по всему этому Василиса здесь. С мужем они ладили. Плечо у него крепкое, положиться можно. В покоях обнимал сладко, да крепко ее. Любил и уважал супругу. Часто вечерами сидели, говорили много. И все больше убеждалась она, какой ей хороший муж достался. Умный сметливый, справедливый. Не ныл, не бил, не пил. Во всем подмогу оказывал, не только ей, но и люду простому. Животных любил, деток дворовых игрушками баловал.

А вот старшие Царевичи напротив, пугали Василису. Слухи до нее дошли, что один ленится, второй к вину прикладывается. Кому Царь-батюшка государство оставит после себя?

Старший Василий все бумаги да поручения горазд был на Ивана сложить, и на охоту уехать, днями там пропадал. Склоки в их семье сильные были. Настасья тоже ленилась, свое хозяйство запускала, да дворовых била.

Средний Ярослав тоже с женой не ладил, от того и в вине утешения искал, дружину забросил. И снова все на Ивана

свалилось.

И так у них времени друг на друга мало оставалось, а тут могли днями не видаться. Не хватало им ласк друг друга, объятий да разговоров душевных, но что поделать. Не бросишь все на Царя-батюшку, ему тоже подмога нужна.

И это все видел и понимал сам Государь. Кручинился, думы думал. И все больше видел в младшем сыне опору да приемника. Но Иван слишком добрый, нет в нем закалки крепкой для того, чтобы править людом мирским.

Уставали все. И надумал царь устроить бал. С танцами, песнями и плясками. А тут еще и сбор урожая закончился, год богатый выдался, надо народ порадовать. Повелел город украсить пышно, созвал гостей полон дворец, наказал одежды надеть красивые. Огни зажглись к вечеру по всем улицам и потекли реки людские на площадь дворцовую.

Приехали старшие Царевичи во дворец с женами. Праздник начался. Явились и Иван с Василисой.

– Едет к нам лягушонка в коробчонке, с мужем своим Иваном-дурачком. – Смеялась зло Настасья.

– Везет кожу свою зеленую показать, да глаза лупоглазые. Тьфу... Смотреть противно. – Вторила ей Марфа.

И решили они вместе после бала к терему пойти, да проследить за Василисой в озере. Смекнули они уже, что заклятье на ней не чужое, а ее собственное. А значит, прячется она от чего-то и если схватить лягушку, то беда с девушкой случится. Дождутся они ночи и покажут Василисе, как не

уважать старших.

А город бурлил. Пели песни, плясали пляски, лилась музыка и вино рекою. Радовались все урожаю, славному Царю-батюшке, который правит строго, но справедливо и с ним цветет государство. Радовалась и Василиса с Иваном, танцевали вместе, песни затягивали, смеялись. Так и вечер прошел, ночь наступила, все стали по домам расходиться. И молодые наши тоже в терем свой отправились. Налюбились друг с другом в покоях, а как Иван уснул, решила она провести над мужем наговор охранный, пока он спит. Чуюло ее сердце тревогу. Стала целовать она мужа в лоб, щеки, губы, да нашептывать.

– Силушка моя, Землей да Водой данная, убереги любимого от беды лихой. – Стала гладить она руки Ивана. – Любовь моя сильная, мужем подаренная, спаси родного от смерти постылой. – Обняла она его крепко и прошептала. – Мудрость моя, матерью и бабушкой наученная, перейди к моему желанному, чтобы смог он злу противостоять.

Смотрела она на супруга, и так ей страшно было, так жутко, что если его не станет, как она жить будет? Как на свет белый смотреть?

А затем пошла она к озеру, чтобы сердце успокоить, да сил набраться. Сняла с себя Василиса наговор, нырнула глубоко. А лягушка устала за вечер, наплавалась с девушкой, да выплыла на мелководье. И тут-то ее и словили старшие невестки.

Зло творится тихо! Беда приходит, не предупреждает! Подняли они над лягушкой топор тяжелый, и полилась кровь в воду, окрасила ее алым цветом. Не знали две глупые девицы, какую беду на город и Василису накликали.

Засветилось озеро, загорелось огнем. Всплыла в центре озера Василиса, словно мертвая. А на небе тучи черные хороводы завели, все затянули, до самого горизонта, и стала ночь еще чернее. Грянул гром, молния, да так, что земля ходуном заходила. Испугались Настасья и Марфа, бросились по домам.

Проснулся Иван от грохота, смотрит, нет супруги. Стал искать ее, обошел все хоромы. Вышел во двор, а там ветер воеет, дождь хлещет, а в озере девушка, как полотно, белая плавает. Бросился он в воду за любимой, вынес на берег, а она в себя не приходит, холодная как лёд. Завыл Иван голосом нечеловечьим, обнял родную Василису. Зарыдал слезами горячими. Падали слезы любимого на щеки девушки, отогревали ее. Засветилась она вся, очнулась. Обрадовался Иван, пуще прежнего зарыдал, но уже от облегчения.

Уложил в кровать, водой напоил с травами. Да только девушка всю силу потеряла.

Не знали они, что это силы Кощеевы наложены на поиск были. Чтобы, если нашлась Василиса, то уйти никуда не могла и отвести его от следа ее.

А он в чертогах своих видел темные сердца двоих царевен, и их глазами увидел все как есть. Не стал ждать долго,

собрался в дорогу. Вышел из стен своих остывших, оседлал птиц черных, и в путь отправился за Василисой. Ведь она была последней по пророчеству. Она должна снять Проклятье с него черное.

А Василиса лежала слабая-слабая, не ела ничего, только пила и плакала. Смогла она с трудом рассказать Ивану, что убили ее сестрицу-лягушку и разбили ее наговор, и знает теперь Кощей, где она. Что чувствует, как Он все ближе и ближе.

И ночь должна была пройти, и день наступить, но тучи черные окутали город. Солнце не могло пробиться сквозь злую пелену. Дождь хлестал беспрестанно. Река из берегов выходила, топила все луга да поймы. Радовались одному люду, что урожай собрать успели. А потом весть разлетелась по всему городу, что занемогла Василиса, захворала сильно. Тут в хоромы Ивановы и сам Царь-батюшка нагрянул, проведать невестку, да узнать какая с ней беда приключилась. Как есть, поведал Царевич отцу о том, что кто-то злой беду сотворил, и что мчится сюда Кощей Бессмертный и будет тут через три дня и три ночи.

– Не дадим Василисушку Ироду проклятому, отдадим от стен города. – Бушевал Царь, как за дочь переживал, за невестку. – Дружину соберем, победим вражину черную.

А Василиса рыдала, просила не отпускать никого на смерть верную, ведь нельзя убить чародея. Не берет его никакое оружие, никакая хворь. Закручинились Иван с Царем.

Что делать? Как быть?

Минуты проходили, превращались в часы, часы в дни. А Василиса с каждым мгновением становилась слабее, а потом и уснула вовсе.

Решили Царь с Иваном ее в Царские покои отнести, да охрану к ней приставить. Ни на минуту не отходил Иван от супруги. И так страшно ему было, что потеряет ее. Места себе не находил. Все держал ее в своих объятиях, не ел, не пил и спать не укладывался.

На третий день дождь кончился, но такой холод наступил, как лютой зимой. Весь народ в домах попрятался. Тьма не проходила. Улицы после дождя льдом оковало, словно застыло все. И такая тишь наступила. Не лаяли собаки, не кричали петухи, даже люд молчал. Город словно вымер. Беду чужал каждый.

И вот перед Царскими хоромами опустилась стая из воронов и коршунов черных. И вышел из нее Кощей. Высокий как каланча, волосы словно уголь, кожа сухая, как лист и серая, как пепел. А вокруг глаз чернота, словно провалы глубокие. И глаза страшные, красные, как угли, горят огнем. И такая сильная злоба от него идет, что воздух чернеет. Вышла дружина ему навстречу, а он рукой махнул, и уснули молодцы сном мертвым.

И тут Кощей заговорил. Голос грому подобный, разлетелся по всей округе, что слышно его в каждом доме было.

– Срок я даю городу три часа. Чтобы Василису принесли

мне к северным воротам, на Калинов мост. Всех погублю, всех заморю, город с лица земли сотру и в пепел превращу.

Топнул ногой, и поднялась птичья стая в небо, унося Кощея на север, к Калинову мосту.

И снова тишиной город накрыло. А Иван зарыдал. Как отдать жену Кощею? Как расстаться с любимой? Как ни будил он ее, не приходила она в себя. Встал Иван в полный рост, плечи расправил, взял меч и пошел к отцу.

– Убью Кощея, – говорит, – убью или сам умру, но Василису не отдам.

А что отец скажет? Если бы с ним такое приключилось, не уж за стенами бы отсиживался?

И пошел Иван-Царевич по пустому, ледяному городу, один как перст шел на бой с недругом. И страха не было, была только злость, что забрать у него Василису хотят. Вышел он на Калинов Мост, а на нем Кощей стоит. Сошлись они в битве долгой. Бились день, бились другой. На Иване наговор горел Василисин, а Кощей под своим проклятьем бессмертен был. И понял тогда, что не отдаст Иван Царевну. И на хитрость пошел. Махнул рукой и упал Иван сном крепким. А Кощей его с моста в реку скинул. Понесла река Царевича далеко.

А колдун черный пошел в город. Шел по улицам, и никто навстречу ему выйти не смел. Разбил он врата в хоромы царские, сковал всех заклятьем обездвижения, зашел в покои, где спала Василиса. Улыбка на лице Кощея распусти-

лась страшная. Вот она, вот она моя последняя, прекрасная, та которая снимет с него проклятье старое да древнее. Провел он пальцем по щеке белой, открыла глаза Василиса и закричала.

Пришел за ней Кощей, пришел тот, кто погубил ее семью, а теперь и ее погубит!

Чертоги Кошечевы

Так напугалась Василиса, что чувств лишилась. А Кощей еще и заклятье наложил, чтобы спала она сном крепким, непробудным, пока в дороге они будут. Подхватил ее на руки и вынес из дворца. Обвел взглядом город обледенелый, да слуг своих позвал верных, птиц черных. Подхватили они чародея, и понесли его и девушку, спящую в чертоги Кошечевы. А за ними и тучи ушли темные. Солнце выглянуло, отогрело льды холодные. Вышли люди на улицу. В себя и Царь пришел, и бояре, и дружина. Только вот, не нашли они ни Ивана, ни Василисы. И стал тот день темным для всех. Во все концы разослал Государь гонцов с наказом, что тому, кто Ивана найдет, кто о Кошее знает что, во дворец явиться и ответ держать. Объявил и награду большую.

Только знаем мы из сказки старой, что Иван в себя в речке пришел, спасло его Василисино заклятье, к жизни вернуло. Свистнул он свистом громким, который услышал конь его вороной. Сорвался конь с конюшен, и бросился к хозяину своему. И начал Иван путь свой долгий, чтобы найти Василису, и спасти ее из рук Кошечевых. Быстро сказка сказы-

вається, да не скоро дело делается. Стоптал Иван три пары сапог железных, исходил сотни дорог длинных. Узнал он о секрете колдуна проклятого, о сундуке, где спрятано сердце его злое, да темное.

А Василисой что было? Как ей жилось в стенах холодных? Жива ли она там?

Проснулась она в покоях темных. И холодно так, что руки-ноги ломит. Смотрит, одеяла лежат пуховые рядом с ней, тулупы, мехом обитые, висят на крючках у стены. Одеда она один тулуп, чтобы согреться немного. Смотрит, а у самой большой стены камин полыхает, только вот тепла-то и света от него нет никакого. Поняла она, что у Кощея она, унес он ее в чертоги свои жуткие.

Заплакала Василиса слезами горячими. Обняла себя за плечи. Как теперь быть? Что делать? Что с ней станет? Где Иван? Что с любимым случилось? Что с городом случилось, не уж, снова сжег все колдун? Снова, оставил ее, одну-одиношеньку на свете?

И кляла она себя, и ругала, что раньше, еще тогда не пошла к Кощею. Если бы ушла раньше, то брат жив бы остался, отец с матушкой, да бабушка по свету бы ходили. Не случилось бы беды и с Иваном и градом Стольным. Все она виновата, из-за нее одно это все случилось. И слезы новой рекой потекли, все горе из нее выливали. Выла она, как выпь на ее болоте. Готова кожу была на себе содрать от ужаса и тоски.

А время, как вода, утекало сквозь пальцы. Тут и шаги тя-

желые послышались. В двери ключ повернулся, и открылась дверь со скрипом. А в проеме дверном Он стоит.

И такой страх обуял девушку, мурашки по коже бежали. Прижалась она к стене ледяной и смотрит на Кощея, не смея пошевелиться.

– Смотри, умная какая! Правильно! Меня бояться надо и покорной быть! Ничего сегодня я делать с тобой не буду, обряд еще приготовить нужно. Ты моя последняя жена, из всей тысячи последняя, и самая прекрасная. Ты знаешь, как долго я тебя ждал? Две сотни лет прошло, две сотни лет я готовился к встрече с тобою.

Чародей подошел к девушке. Провел пальцем холодным по щеке теплой. А Василису замутило от страха и отвращения, дрожью волна пошла по всему телу.

– Теплая ты какая, живая. Такая, какую, я и представлял. Еще немного и моею ты станешь, снимешь с меня заклятье жизнью своею. – Кощей перебирал мягкие волосы, вдыхал запах кожи девушки.

– Не стану я твоей, замужем я уже, за Иваном, ирод ты проклятый. – Тихо, но твердо прошептала Василиса.

А Кощей отступился от нее, и захохотал смехом громким, но мертвым.

– За Иваном, говоришь? – Чародей обнажил зубы в оскале. – Это тот, кого я на Калиновом мосту победил, да в реку скинул? Так нет его боле, сгинул он! – И снова смехом мертвым засмеялся. – Моя теперь, ты, моя!

И вышел он из темницы, хлопнул дверью, закрыл на ключ, и смолкли шаги тяжелые.

А Василиса осела на пол, как громом пораженная. И даже плакать не смогла, так ее весть поразила. Долго она сидела и смотрела в пустоту. А потом плакала, долго и сильно. Нет больше света белого, снова одна. Без любимого, без родных.

Дни шли. Кощей приходил, приносил еду, стоял и смотрел на нее часами, и уходил. Горел в камине огонь, да только темно по-прежнему было в ее темнице. Ни окон, ни щелочки на свет нет. Мрак и холод. Обстановка была скучная, кровать, небольшой стол со стулом, клетушка с уборной и все.

Есть не хотелось, все потеряло смысл. Хотела она собой покончить, только как? Воды нет, не утонуть, огонь в камине пустой, не сгореть, веревок нет, петлю на шею повесить. Голодом она себя и так морила. Только лежала в кровати, не вставая, и в сон впадала, проснется, лежит и снова спит.

И вот настал день. Пришел Кощей, загремел ключ в двери. Вошел в темницу. Сел на кровать рядом с Василисой. Начал ее по щекам гладить, волосы ее перебирать.

– Вставай. Наконец-то, готово все. Пора идти!

Василиса открыла гласа и молчит, не встает. Только глядит на него пустотой.

– Не встанешь?

– Нет!

– А если не встанешь, то я... – Не успел ответить догово-

рить чародей, как подскочила Василиса с кровати.

– А чем ты меня пугать собрался, образина ты этакая? Все забрал у меня, семью, мужа, жизнь забрал! Смертью пугать собрался? Полешко ты горелое! Знаешь, снять с тебя проклятье, полбеды! Ты сам проклят, но вот душа у тебя сгнила давно! Если даже пойду с тобой, все равно гореть тебе в пламени горячем, собака ты сутулая. – Василису понесло.

А Кощей рот открыл от шока. Так, с ним впервые говорили.

– Да чтоб у тебя руки отсохли, да чтоб тебя трясушка замучила, да чтоб ты одни поганки ел! – Орала она. – Ты что думаешь, я управу на тебя не найду? Умру, но сживу тебя со света белого! Мало одного проклятья, да я на тебя наведу такие наговоры, что сам себя в зеркале не узнаешь! – Василиса схватила тарелку со стола и запустила в Кощея, тот еле увернулся. – Я тебе яду в еду насыплю, а то, что ты бессмертен, только на руку мне, прошибет тебя так, что неделю с горшка не слезешь!

Ругаться Василису брат старший научил, а нрав крутой ей от отца достался.

– Я тебе покажу сейчас, пенек ты болотный!

В колдуна полетело все, что лежало плохо, летели яблоки, кубки, даже стул полетел. Вылетел он из комнаты быстрее шмеля, и дверь захлопнуть забыл.

– Шальная баба! Дурная баба! – Кричал Кощей, а Василиса, вооружившись ножкой, разлетевшегося стула, бежала

за ним с проклятиями, которые раньше вслух произносить боялась.

– Вот я тебя найду, навоз ты коровий, найду и живого места не оставлю!

А Кощей бежал, никогда в жизни он не встречал такую женщину. Все его боялись, дрожали все, как она в первый раз, и перечить не смели, вот и творил он свои дела темные свою магию черную, подчиняя себе всякого. Что делать теперь с этой дурной бабой, куда прятаться?

А Василиса разошлась не на шутку! Как она ждала этого дня! О, как ждала, чтобы избить его до крови-синяков, чтобы за каждого близкого он ответил, чтобы за каждое черное дело сполна получил! Она была все кругом, рвала и метала, воздух вокруг нее горел словно. Со стен слетали картины, разбивались хрустальные вазы, все проклятое добро, которое он годами собирал, превращала она в щепки.

– Вылезай! Вылезай, кошка ты облезлый, крыса подзаборная! Я с тебя три шкуры спущу! – Вот разбилось огромное зеркало во всю стену. В него запустила девушка большую золотую чашу, та смялась, и осколки стекла разлетелись по огромному залу с грохотом, от которого стены затряслись, и эхом этот грохот по всем чертогам пронесся. – Слышишь, ты, змеюка подколотная? Я найду тебя и такую трепку задам! По кусочкам себя не соберешь! – Она перевернула стол с мраморными статуэтками и те, звякнув об пол, превратились в черепки. – Ах, ты гнилушка, трус несчастный!

И шла, и крушила все, что под руку попадалось, Василиса. И такие ругательства о себе слышал Кошей, что оглохнуть хотел. Да, не таким он себе представлял день долгожданный, не таким он видел себя, забившийся в высокую башню!

Сколько часов прошло, никто не знает. Чертоги стояли практически в руинах. Устала девушка. Села на стул, который не успела разгромить и выдохнула.

– Только вылез, таракан ты плешивый! Я тебе голову оторву! – Проорала она в темноту.

Сидела Василиса на стуле, и такой голод ее пробрал. Пошла она еду себе искать. Обходила залы огромные, что могла была, что не могла, роняла. Так ему и надо, пусть он ее убьет потом, но этот хаос он долго убирать будет и ее в кошмарах вспоминать!

Нашла она поварошную, съела яблоки, выпила молока, закусила хлебом. А дальше что делать? Сбежать снова? Да толку, найдет ее снова, ирод проклятый. Нет! Пока живой он, не будет ей покоя на земле матушке!

– Найду, и сам пожалеет, что на свет родился! – Сказала Василиса, беря большую сковороду в руки и пошла, искать Кошея.

Кошей Бессмертный

Всё забрал Кошей у Василисы, именно это силой ее и стало. Нечего уже было терять девушке. Не боялась она Его, только ярость в ней горела огнем жарким! Притащил в свой склеп, морил ее холодом и тьмой, жизнь ей загубил, а теперь

прячется?

И сковорода в ее руках стала грозным орудием! Она стучала ей о стены, рыскала по залам, но чародей сторонился хорошо. Комната за комнатой, зала за залой, кладовая за кладовой, искала Василиса Кощея. И все сильнее диву давалась. Богатства тут везде несметные лежали, и золото, и серебро, и ткани заморские и украшения диковинные, да только кому они нужны, если дом пуст и холоден. Кому нужны монеты, когда так темно и ни одного окна нет. Дворец, больше не хоромы богатые напоминал, а склеп. Кроме эха, ни звука. Кроме нее, никого... Как тут жить можно?

Нашла Василиса ворота огромные, толкнула их и на улицу вышла. Да только и тут тьма была, словно ночь безлунная. Смотрит, сад стоит, а в саду огоньки зелёные горят, хоть немного видно стало. Стала она обходить кругом и встречает фигуру каменную за фигурой. Сначала подумала она, что на погост попала и могилы кругом. Но удивило ее то, что все фигуры были женскими, и было их столько, что не счесть. Какие старые и мхом поросшие, какие ровнее и чище. Присмотрелась и ахнула, да это же Елена, сестрица ее старшая, а рядом Марья стоит. Так вот как их погубил колдун проклятый! Бросилась она к сестрам каменным и обнимала их, и целовала их, и плакала по ним.

Вспомнила Василиса слова Кощея, что она последняя из тысячи, значит, их тут без одной ее стоит эта тысяча. Да как это можно столько душ загубить? Столько девушек со свету

сжить?

Пуще прежнего разозлилась Василиса. Зашептала наговоры, позвала светлячков, птиц позвала.

– Светлячки, мои ясные, помогите, чертоги Кощеевы осветите. Птицы мои вольнокрылые, в каждую печь, в каждый камин хворост несите!

Зашумел лес, засветилась трава. И пошла Василиса назад во дворец. Светлячки взлетели под потолки, в каждом камине лежал хворост, А Василиса шла и разжигала его живым огнем. И становилось во дворце теплее и светлее. Мрак уходил, холод отступал.

– Где сковорода моя? Сейчас найду тебя, Кощеюшка, за все ты мне ответишь! – Крикнула девушка.

А в это время сидел чародей в своей башне и думы думал.

– Колдун я или не колдун? Любое чародейство мне по плечу! Хочу людей мором уничтожу, хочу скот загублю! Хочу холод навлеку, хочу тьму сгущу! Силы ветра подвластны мне, силы тьмы! Реки могу осушить и колодцы! Так чего я одной бабы испугался? – Сетовал он на себя. – Как собачонка сбежал! Нет, вы гляньте на нее! Какая дурная! Как посмела со мной так говорить? Как посмела в меня такие бранные слова бросить? И ведь не только слова, а швыряла в меня все, что довелось в руки взять! – В голосе Кощея слышался не только гнев, но и восхищение.

Не встречал он таких никогда. Все, как одна были покорные, все как одна проходили обряд венчальный, отдавая ду-

ши свои ему безропотно и каменели. Оставляя его снова в полном одиночестве и мраке. И последняя, Василиса, должна была встать так же, и отвести тьму от него. Должна была разбить проклятье. Да только не было в ней покорности, и не встала бы она, там, в саду безропотно.

Разозлился Кощей, встал, ногой топнул и двинулся навстречу к последней своей невесте. Должен он ее себе подчинить, свою сделать! Или не Кощей он!

Вот и шли они друг навстречу другу, один с решимостью, вторая со злостью и сковородой чугунной. Кто кого победит?

А Кощей шел, и чертоги свои не узнавал, везде свет, которого он годы не видел, везде тепло, которого так долго не чувствовал. И разруха. Такая разруха, которую вовек не убрать. Все добро, над которым он чах столько лет разбито, разорено, в клочья разодрано, по полам раскидано. И это одна баба сотворила? Страшно стало ему. Если она такое в гнев сотворила с домом то, что с ним сделать может?

– Нет! Чего бояться? Я чародей великий, сном ее крепким смотрю, и не сможет она рта раскрыть. – Говорил сам себе он. – Так, а как обет она будет говорить свадебный, как душу за меня отдаст, если спать будет? Не пойдет! Значит, я ее обездвигу! А как она на меня кольцо наденет, как обряд венчальный пройдет тогда? – Шел Кощей, и перебирал в голове заклятия, и ничего на ум не подходило.

И пока думал, не увидел Василису впереди. А она рвану-

ла, как лошадь дикая. А как увидел, ее обомлел. Глаза огнем горят, локоны золотые-медные развеваются, а в руках сковороды. Сам не понял, как ноги назад повернули от неё, рванул он назад в башню свою, взлетел по ступенькам и дверь на семь замков закрыл, в угол забился и завыл от страха.

А Василиса в дверь ломится, орет, сковородой стучит.

– Ах, ты старикашка дряхлый! Таракан подпечный! Сморок сушеный! Выходи Ирод проклятый, я тебе все патлы твои повыдергиваю черные! Чего заперся там, как мышь летучая на чердаке? Выходи, кому говорю! – Долго бушевала девушка под дверью, а Кощей сидел и не знал, как с ней быть.

Проходили часы, и решила Василиса взять нелюдя измором. Начала она стучать сковородкой по двери, да не громко, но часто. И песни запела, самые громкие, да самые удалые.

Час орала и стучала, второй орала и стучала, третий пошёл. И взвыл Кощей. Сам не рад, что привез ее в чертоги свои. И проклятье свое не таким уже страшным казалось, ведь жил же с ним двести лет, и еще бы столько прожил.

Устала Василиса, голос охрип. Привалилась к стене и задремала. А Кощей не знает, как быть, что там за дверью делается? Вдруг притаилась и ждёт. И выйти страшно, и сидеть тут сиднем, тоже нельзя. И снова думы он думает свои, как ему быть с Василисой.

Двести лет назад был он Князем обычным. Золото любил, дев прекрасных тоже. Но все было ему мало, стал он грабить соседние княжества. И нашел в одном из них книгу черную,

о темном колдовстве. Силу он набрал великую, и потекло к нему золото рекой, одну за другой менял он жен. Пока не встретил одну, которая прокляла его, за деяния его.

– Проживёшь, ты, до смерти один. Во мраке и холоде. Каждый, кто встретит тебя, бояться будет, не будет друга тебе близкого. И встретишь тысячу прекрасных дев, невинных. И если они будут готовы, тебе покорно душу свою отдать, спадет заклятие с тебя. Но не увидишь ты от них ни любви, ни ласки, каменеть они будут, как твоими станут. А последняя раздвинет мрак, вернёт тепло. И полюбишь ты ее, одну, единственную. Только должна она быть прекрасней всех. И родиться ей нужно в семье, где три дочери от одного отца, да разных матерей.

Страшно ему стало, он и так разменял третий десяток, да где ж столько дев молодых найти. Сколько ему отпущено? Так и суждено во мраке и холоде жить и умереть? И решил Кощей смерть свою спрятать. Вычитал он в книге черной, как обряд провести. Отлил он из золота иглу, уколол ею сердце свое, при помощи магии, а когда кровь засохла на ней, наколдовал он утку, утку убрал в зайца, а зайца в сундук спрятал, сундук цепями на дуб древний приковал. И заклятье на него наложил, что не сможет его разбить никто, ежели Кощей сам этого не захочет.

И начал он рыскать по свету, искать прекрасных девушек, невинных. Годы летели, а в саду, одна за одной, вставляли каменные статуи. И вот остались последние три. Тридцать лет и

три года не мог найти он тех самых. Но тут молва пошла, что у южного Князя родилась третья дочь. Решил он посмотреть. Послал птиц своих, наложил чары на людей и увидел, что все трое распустятся, как цветы в мае. Сначала Елену своей сделал, потом Марью, и пришёл черёд третьей. Как увидел он ее, в первый раз, обомлел. Такой красоты он не видывал прежде. Только нужно было дождаться, когда в ней женщина проснется. Да не беда это, столько лет ждал и тут подождёт. Вот и срок подошёл. Прилетел он за последней невестой своей, забрал к себе, обряд готовил долгий, чёрный. Да только вот, как увидел, что это не Василиса, а старуха с ее личиной, разгневался. В пыль превратил он старую, кинулся назад искать Василису, только вот нет ее там, и следа не нашлось. Княжество сжёг он до тла. Наложил заклятия поиска, и день и ночь искали ее птицы, люди и звери.

Но найти не могли. Год за годом шли, он уж подумал, что сгорела она в пожаре, им устроенным. Но вот тут и случилось чудо, учуяли Василису его силы черные.

Но вот какая загвоздка. Замужняя она. И под мужем была. Спадёт ли заклятье? Мужа он извел, и приволок девушку в хоромы свои. Да только вот, что теперь делать с ней? Никто не давал указаний, что она такая буйная будет. Как так получилось, он ее в темницу привез, но сам в темнице сидит. Сковороды испугался! И такой гнев его взял, снова в угол его загнали? Никогда он по щелям не прятался, никогда ни от кого не убегал.

В чертогах стояла тишина. Привычная тишина. Не думал он, что так важен ему покой, а тут за день измучился он в шуме и хаосе. Осторожно открыл семь замков и тихо отворил дверь, смотрит, а Василиса прислонилась к двери, и спит крепко. Еще сильнее растерялся Кощей, что делать тут с ней спящей. Будить? Так ведь снова буянить начнет! Еще сильнее сон наложить? Так ведь не будет же спать до самой смерти, зачем она ему спящая? Сел он напротив нее и залюбовался.

Ресницы длинные да пышные, кожа белая, словно шелк, щеки румяные, губы полные алые. А волосы как все золото его в чертогах, волнами по плечам растекаются. Руки нежные, пальцы тонкие, вся ладная, как лебедь. И такая тоска на кощея нахлынула. Как ее своей сделать, да чтобы она в камень не превратилась? Изголодался он во тьме и холоде по женской ласке.

Смерть Кощеева

Долго сидел и любовался красавицей Василисой, только вот проснется она и снова буянить начнет. Решил он ее пока в опочивальне своей запереть. Проснется, побуянит, поорет, да устанет.

Поднял он ее на руки, а тут сковорода с коленок ее, как упадет, да давай греметь по лестнице. Да такой грохот поднялся. Бам... Бам... Бам... Бам... Бам... Бам... Бам... Бам... По ступенькам она бахает, а эхо эти звуки усиливает. Сжался колдун в комок, и от страха глаза закрыл.

А Василиса, наоборот открыла, уставилась на врага своего и сначала, понять не может, где она, что с ней.

А потом, как завизжит, как вцепится кощею в волосы длинные. Да так вцепилась, что силком не оттащить. Вцепилась, и голосит не своим голосом.

– Попался, мухомор червивый! Да, я сейчас из тебя душу всю вытрясу! Вот и смерть твоя пришла! Запомнишь, ты, у меня, гнилушка болотная, как людей губить! Узнаешь, как города жечь!

Кощей бедный руки отпустил. И кубарем они по ступенькам покатались. Ударился он головой о пол каменный и завыл, а Василиса тут как тут, ей никакие ступеньки нипочем оказались. Уселась на него верхом, и давай его обхаживать кулаками, да силы в ней столько, что чародей и сделать ничего не может. Била она его от души, долго, пока силы не кончились. Отползла в сторону, прислонилась к стене, дышит тяжело, щеки покраснелись. А Кощей встать не может.

– Или убей меня сейчас, или я тебе устрою такую жизнь, что проклятие твое тебе цветочками покажется. – Хрипела Василиса. – Ты у меня, сморчок поганый, еще пожалеешь, что на меня глаз положил.

– Не смогу тебя убить, ты мне живая нужна. – Сипит колдун.

– Значит, к войне готовься, хоть ты и Бессмертный, я тебе жизни не дам!

Отдышавшись, встала Василиса, пнула Кощея, подняла

сковороду, и пошла себе покои искать. Убить она его не сможет, так толку силы на окаянного терять? Она посидит, подумает, и найдет решение, как дальше быть. А сейчас сил надо набраться на борьбу с Кощеем. Идти ей все равно некуда, а так хоть мир избавит от нечисти поганой.

А чародей еле встал, бока болят, на лице сером синяки поплыли. Огляделся, кругом клочья волос его лежат. Стоит, охает. И снова самому себе диву дается. Он убивал людей одним взмахом руки, губил целые княжества, стада коров падали, когда он шел. Таких богатырей в могилу сводил, которых никто побить не мог. А тут что? Бегаёт от бабы по дворцу, тумачи от нее получает, так теперь и войну ему объявили в его чертогах? Застонал он от бессилия!

– Ничего! Сейчас пойду, открою книгу свою черную и найду, как Василису себе покорить!

И, казалось бы, погром в Кошечевом дворце устроен, побит он, и злым должен стать как черт! Но ведь нет, шел он в свои покои, а на лице улыбка сверкала. Давно он себя таким живым не чувствовал, давно его так ничего не будоражило. Всего три дня и три ночи девушка в замке его темном живет, всего один день белый она по замку ходит, а как изменила весь его уклад.

– Посмотрим еще, кто, кого! Посмотрим, как ты у меня потом петь будешь! – И тут вспомнил колдун, как она под дверью башни песни боевые голосила, да как засмеялся. И смеялся громко. И весело ему давно так не было.

Вот так разошлись они по разным сторонам хором Кошчевых.

Василиса себе покои нашла с окнами большими, да только стекла в окнах черные и свет не пускают.

– Да, что ж ты за нелюдь такая, что в такой тьме-то живешь? – прошептала девушка и давай стекла сковородкой охаживать. Летели осколки черные во все стороны, а комната светом и теплом наполнялась.

Не знала она, что своими действиями разрушает заклятие древнее. В день, когда Кощея проклиjali, чертоги его потемнели, окна почернели. И как не бился с этим чародей, ничего поделать не мог. Даже если выходил он на свет белый, то тучи набегали темные, от солнца его скрывая. Огня горячего он не мог разжечь, гас сразу огонь. Вот и приходилось Кощею черным огнем пользоваться, да только ни света от него, ни тепла не было.

А Василиса, разгромив окно, принялась камин топить. В соседних залах она нашла стульев, да столов полным-полно. Вот они-то и пошли в топку. А то, что эти столы и стулья были, на вес золота, ей то что? Не надо было ее сюда тащить.

Вообще, решила Василиса разнести этот замок в пух и прах. Девушкой она была бережливой всегда, но тут она как рассудила? Он мою жизнь разрушил, а я что права не имею? И пока Кощей сидел в своих покоях, да книгу черную листал, девушка наведальась в поварошную, еды себе наготовила, чаю напилась и пошла бесчинствовать.

В каминны летели стулья, картины, столы и так хорошо они горели, и таким теплом от каминов несло. Хрустальные вазы она била. Что потяжелее попадалось, швыряла в окна, и сквозь них свет бил.

А потом села она и думает. Ну, разнесу я ему тут всё, а дальше что? Как злодея извести? И надумала...

День, вечер, ночь прошли, утро наступило, вышел колдун из комнаты своей, и пошёл искать Василису. Вычитал он в книге, как заговор сделать на то, чтобы человек стал как кукла безвольная, послушная. Ещё немного и сделает он ее своею. Но решил Кощей схитрить. Не будет он обряд венчальный проводить, тогда и не окаменеет Василиса, и все ее тепло будет только ему принадлежать.

Вышел он из прохода темного и ужаснулся. Руины. Да она же от замка камня на камне не оставила. По полу пройти нельзя, одни осколки, черепки, да щепки валяются. Но даже не это поразило Кощея. В замке кипела жизнь, то тут, то там бегали ежи и зайцы, под потолком летали птицы и светлячки, везде в каминах огонь полыхал, свечи горели. А когда он в тронную залу вошел, то встал, как вкопанный. Из самого большого окна, которое раньше было магическим черным стеклом выложено, лился свет солнечный, дул ветер теплый живой.

По щекам чародея слезы покатались, не видывал он света белого, солнечного лет двести. Пылинки сверкали в лучах, а по стенам и потолку сверкали солнечные зайчики. Лучи па-

дали на черные осколки, и отражаясь от них, освещали зал ярким светом. Зажмурился кощей, прижал руку в груди, а в ней сердце холодное и мертвое стучало жизнью живой. Ветер трепал черные волосы, согревая еще по-летнему сентябрьским дуновением. Как смогла снять Василиса заклятье, не окаменев? Как всего за несколько дней, его мир снова красками заиграл и в нем светло стало?

И тут он услышал песню девичью. Голосок тонкий да звонкий разносил по дворцу звуки, которых давно Кощей не слышал. Такая тоска сердце сжала, так сердце заныло. Пошел он на голос Василисы. И чем дальше шел, тем сильнее диву давался, чертоги свои не узнавал. Да, везде был погром, но свет бил отовсюду, везде стояли цветы в вазах и чашах, гомон птичий стоял, что казалось, что он в лесу идет. Осторожно, чтобы не спугнуть девушку, он обходил осколки, куски мебели, подходя все ближе и ближе к большому залу, откуда доносилась песня. И стоило ее увидеть, дух у него захватило. Стояла Василиса в самом центре зала, а вокруг нее солнечные лучи хороводы водили. Волосы светились золотом и, словно, сияла девушка. Стан ровный, руки плавные, плечи тонкие, талия осиная все в ней глаз радовало. А она кружилась в танце на свету солнечном и пела.

Солнце ясное мое, свети!

И лучи твои пусть греют теплом,

Пусть не встретят черных окон они на пути,

Пусть согреют постылый дом.

Я огонь разожгу в печах,
Да цветами украсу углы,
Что бы старый Кощей зачах,
И сбежал в подвалы свои...

Услышал он лишь окончание песни и девушка смолкла. Только спустя время он осознал, что она увидела его и смотрит во все глаза.

– Что? Пришел, пень трухлявый! Смотрю, мало я тебя побила, надо было так поколотить, чтобы ты неделю с того места не встал.

Она уперла руки в бока и с вызовом глядит на него. Потом руками развела и говорит ему елейным голосочком.

– А я тут, как видишь, порядки навела. Да и это не все еще. Руки у меня из плеч растут, да и бабушка меня многому научила, я тебе еще много чего показать могу.

А Кощей в себя пришел, подобрался весь. Пока она на него не кинулась, решил прямо сейчас заклятье на нее наложить.

Поднял руки высоко над собой, собрал тьму из углов, собралась она в шар над его головою, заискрилась черными искрами, в шаре том, чернота густая.

– Тьмою повелеваю, мрак нагоняю, чарую, волю забираю. – Опустил руки колдун и шар к Василисе полетел, окутал ее, скрыл туманом черным.

Да только не боялась Василиса чародея темного больше. И

магия страшная стала искриться и таять на глазах, а потом и вовсе осыпалась пеплом вниз, словно и не было ничего. Закричал Кощей не своим голосом, зарычал как зверь, и давай в Василису заклятия, одно за одним, накладывать, насылать. Да сколько не бился он, сколько не бушевал, не властен он над ней больше, смерти девушка не боялась, терять ей нечего было, поэтому и не сработали заклинания на ней. И как только она поняла это, засмеялась смехом звонким.

– Что? Нет силы у тебя на меня, нет управы! Вольна я теперь, уйти отсюда куда угодно могу, и ничего сделать ты мне не сможешь! И не найдешь вовек. Да вот только, решила я тебя со свету сжить. Сам не рад будешь, что я в твоём замке поселилась. Я тебе такое устрою, что ты волком у меня выть начнешь. Костры жечь буду, камня на камне не оставлю от хором твоих, забудешь ты у меня что такое тишина и покой. А коли силой захочешь меня взять или боль причинить, так я тебя ночью темной найду и сковородою так отхожу, что с места не встанешь. – Василиса двинулась к Кощею, на лице её улыбка сверкала. Встала к нему близко-близко и пальцем в грудь тычет. – А коли сбежать захочешь, я из-под земли тебя достану. – И пошла прочь легким шагом и столько силы в ней было, что Кощею с ней тягаться никак нельзя было.

День за днем проходили недели и месяцы. И Кощей выл, как волк, от бессилия. Как и обещала Василиса, не давала покоя ему. Жгла костры прямо в замке, вела живность прямо в хоромы. Песни голосила, стучала, гремела, наговоры шеп-

тала. Замок сиял и днем и ночью. Все окна выбила Василиса, все черные занавески слетели. Днем солнце лучилось, ночью светлячки, огни в каминах и луна серебристым светом стены заливала. Покою не было и в сердце его, билось оно теперь, болело по Василисе. Жизнь просыпалась в замке и в нем самом. Забросил он книгу черную. Тоскою изнывал, а она мстила, за родных мужа своего мертвого, мстила, как умела, шумом, разбоем мелким, пакостила во всем. То мышей в обувь напустит, то масло разольет по полу. Сначала Кощей пытался в хоромы порядок навести, но магия его слабела, а убирать руками побоище было делом нелегким.

Менялся и облик кощеев. На свету солнечном кожа разгладилась, порозовела, чернота под глазами проходить начала, глаза уже не краснотой горели, а карим теплом лучились. Сердце стучало в груди, как бешеное, грело, билось, как птица в клетке.

Однажды ночью он шел по покоям, светлячки роились везде, каминны радостно полыхали, только тишина стояла. Неслышно было стука привычного, песен звонких. Стал Кощей искать Василису, и нашел ее на заднем дворе. Там озерцо было небольшое, в нем то и купалась девушка. Нагая и такая прекрасная, что не знал, куда чародей свое сердце деть. Изморила его Василиса совсем. Красотою своею, непокорностью, смехом задорным, песнями веселыми, да смекалкой своей. Да вот полюбить она его не сможет никогда! Он погубил всю ее семью, родных, мужа, как тут любви проснуться?

Мог он ее силой взять, только сердце тосковало о тепле, ласках, заботе. И так ему стало тяжело, так тоска сердце сжала, что умереть ему захотелось.

И треснул сундук на старом дубе в ту минуту. А к сундуку уже Иван спешил, забрать смерть Кощееву, сломать иглу...

Стрела Волшебная

Заперся Кощей в покоях своих. Места себе не находил. Никогда он не любил никого, никогда не жалел никого. Никогда так не была полна жизнь его кем-то.словно дикий зверь метался он в хороммах темных своих, и выл от боли и тоски. Мстила Василиса пакостями, но самая страшная месть свершилась нечаянно по незнанию, разбила проклятие она, вернула к жизни сердце черное. Пробудила в нем желание любить и любимым быть. Устал Кощей от одиночества. Как заставить полюбить Василису, такого как он? Морок наложить, любовное зелье сварить? Да только чары-то больше не действуют на нее. Силой брать, а потом смотреть, как она на него лютой ненавистью смотрит, и так в ней обида, да горе горят за то, что ей всю жизнь сломал. И чувствовал за собою Кощей вину страшную. И жалел, что проклятье его разбито. Вышел он из чертогов своих, позвал птиц черных и полетел по свету белому, душу свою успокаивать, только вот не бежишь от себя.

А Василиса за месяцы жизни в Чертогах Кощеевых изнывала по делам добрым, по людям, разговорам. Кощей ее избегать начал, притих. И это ее пугало. Не задумал ли чего

темного и черного? Решила она посмотреть, понаблюдать за колдуном черным. Шла по хоромам, коридорам длинным, залам широким. Поднялась в башню его высокую, а дверь открыта в покои его. Посмотрела, нет тут Кощея, прислушалась, тишина в замке. Зашла тихонько и увидела на столе книгу черную. И таким злом от нее веяло, таким ужасом, что словно живая книга была. Не долго думая, разожгла камин девушка и швырнула книгу эту в огонь жаркий. Вспыхнула книга, завизжала криками громкими, бешено перелистывались страницы темные, горели дымом, клубились смрадом.

А в это время добрался до сундука Иван, разбил сундук каменный, подстрелил зайца, убил утку, словил щуку, разбил яйцо и надломил иглу, на которой спрятана смерть Кошьева.

Рухнула в небе стая птиц черных, и полетел вниз Кошей. Вся сила в нем кончилась, бессмертие его прошло. И ждал он уже смерть свою радостно! Да только и этого ему не досталось. Упал он в болото темное, в самую жижу грязную, а вокруг лягушки квакают. Только не Кошеем он уже был, а обычным человеком. Ни заклятье произнести, ни подмогу позвать, так и увяз в болоте топком. И до Василисы ему уже было не добраться. А выбрался ли бывший Кошей из болота того и что стало с ним дальше, это уже сказка совсем другая и на нее отдельный сказ!

А что с Василисой стало? И как до нее Иван добрался? Давайте дальше и узнаем!

Как только сгорела книга, знание пришло Василисе, что нет на земле больше мага черного, сгинул он и свободная она теперь. Вышла она из Чертогов Кошечевых, только куда ей идти? Не знала она. Мужа нет, семьи нет, сестрицу-лягушку и ту злодеи сгубили. И решила она на свое болото вернуться. Собрала котомку нехитрую, накинула на себя накидку дорожную, наговорила птицам наказ, чтобы повели они ее тропами к болоту родному. Днями шла, песни пела, ягоды да грибы ела. А осень в свои права вступала, листья на деревьях золотом наливались. Ночами наговоры охранные ставила от зверей диких, и людей злых. Долго ли коротко, добралась до болота своего. Кликнула лягушкам песню, они позвали деда Водяного. Тот обрадовался Василисе, как внучке своей, обнялись они, лодку ей переправил. Новости рассказывал, что на болоте тихо, за берегом деревенские приглядывают, за домом он смотрит. Послушал как она с Иваном жила, как ее сестрицы-лягушки не стало, как ее Кощей похитил и всех близких ее уничтожил. Повздыхали они вместе, потужили, чаю попили.

Зажила Василиса снова на болоте своем, тихо. В деревне не сказала, да и как показаться, и сказать что она та самая лягушка? Начала к зиме готовиться, дрова рубить, рыбу ловить, клюкву на болоте собирать. Как-нибудь перезимует, не впервой ей.

Не знала она, что Иван ее по свету ищет. А он пришел в чертоги кошечевы, долго ходил по замку, диву давался богат-

ству, да погрому. Звал Василису, искал, но так и не нашел. Совсем закручинился он, сел на горе и рыдать готов, где искать родную, любимую? Жива ли она? Не извел ли ее чародей проклятый? И тут вспомнил он про стрелу волшебную, что дома осталась. Оседлал он коня своего и не жалея копыт конских, помчался во весь опор в город Стольный. Не один месяц прошел, как добрался он до дому. Зима снежная наступила.

Как увидел Ивана Царь-батюшка, зарыдал от счастья, что вернулся сын его любимый, живой да целый. Обнимались они долго. Рассказал Иван о странствиях своих, что нашел смерть Кощееву, да вот Василисушку найти не смог. Не уж, изморил ее Кощей? Не уж, нет ее в живых?

Взял Иван стрелу волшебную, поднялся на гору высокую и запустил, куда глаза глядят, а она на юг полетела к болотам топким. Снова вскочил Иван на коня и поскакал к любимой.

Василиса только чай поставила, и стала клюкву с сахаром наминать. А тут грохот, в окно ей стрела волшебная прилетела. Схватила ее Василиса и поняла, что Иван жив, и ее ищет. Села она на кочку свою болотную любимую, обняла стрелу волшебную и разрыдалась в голос. Жив любимый, цел и ищет ее. Начала она в путь дорогу долгую собираться и Ивана дожидаться. Не один день прошел, не одна ночь пролетела. Все ждала и ждала, боялась на встречу выйти и разминуться. Каждый день сидела на кочке своей и ждала мужа.

В тот день снегопадом затянуло небо. Болото давно льдом

застыло толстым, словно зеркалом. Встала Василиса рано, печь натопила, воды нацедила, ухи сварила, оделась теплее и вышла снова мужа ждать. Все глаза она проглядела, ночами не спала, тревога ее душила, не случилось ли с ним в дороге чего. И вот среди деревьев мелькнул кафтан синий, потом еще и еще. А Василиса, сорвалась с места и бросилась бежать навстречу Царевичу своему. Бежит, а по лицу слезы бегут от счастья. Живой, живой, любимый.

Спрыгнул Иван с коня, рванул к жене и обнял крепко-крепко. А Василиса рыдает.

– Все, нашел я тебя! Нашел кровиночку мою, нашел счастье мое! Никуда и никогда больше не отпущу, никому не отдам, солнце мое ненаглядное! – шепчет он ей, и щеки ее соленые целует.

Долго стояли они и обнимались. Долго целовались и не могли рук распустить. А потом в избу пошли, друг другу рассказывали, как жили друг без друга время долгое. А как ночь пришла, обнимались жарко.

Пылал в печи огонь горячий, отгоняя холод от избы студеный. Спали, обнявшись двое, которых, никому под силу не разлучить, ни Кощею, ни смерти! Спасибо за это стреле волшебной!

Тут и сказке бы кончится, да только вот жизнь продолжается!

Иван с Василисой вернулись в град Стольный. Злодеек, погубивших лягушку, нашли и выгнали из дворца. Ивана

отец приемником сделал, возмужал сын в испытаниях суровых, братья и не сопротивлялись. Василиса стала мудрой царицей, Ивану верной помощницей во всем. И правили они вместе справедливо, и радовался им народ.

Народилось у них трое деток. Старшего сына Елисеем называли, а дочек Еленой и Марьей называли. И жили в любви и согласии долгие лета.